

РИНА РОФИ

ЭТО ВОЙНА,
МАЖОР

Рина Рофи

Это война, мажор!

<https://litres.ru/74405498>

Аннотация

Вот она студенческая жизнь - общага, свобода, тусовки. Но не тут то было....Моя жизнь с 1 сентября превратилась в войну с мажором, у которого самомнение выше крыши, а корона дырявит потолок. Показала фак, а он, нежная душа, обиделся, представляете. Решил, что сломает меня. Ага, сейчас! Меня? С черным поясом по каратэ? Скорее я его сломаю! Война объявлена! Демон, тебе не жить вместе с твоими друзьями Гором и Арсом!

Что ждет:

- от ненависти до любви - властный герой, наглый, мажор со вседозволенностью. - несгибаемая гг, сильная, упрямая, волевая, без соплей и слез - ломать будут друг друга с дерзкими фразами ниже пояса, злостью, ненавистью и азартом - переломные моменты, которые заставят посмотреть на Демона по другому. - прежде чем возникнут чувства, помучают друг друга знатно

Надеюсь, этот роман придется вам по душе Буду рада звездочкам) У романа планируются продолжения. Будет серия: про Леру и неожиданного персонажа (кстати, ее муж мельком будет фигурировать в этой части, про Гора тоже планируется. Арс на стадии разработки задумки)

История про Гора:

История про Леру:

Содержание

Глава 1. Начало войны	5
Глава 2. Демид Молохов и компания.	22
Глава 3. Война и никак иначе	31
Глава 4. Посвящение в первокурсники	41
Глава 5. Точка невозврата	57
Глава 6. Демон.	71
Глава 7. Лариса	85
Глава 8. Я тебя сломаю	96
Глава 9. Смертный приговор	114
Глава 10. Наглость	131
Глава 11. Переписка в такси	155
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Глава 1. Начало войны

— Ань, пошли скорее, пара начинается! — Леркин голос, звонкий и чуть панический, разрезал гул коридора, полного первокурсников. Кто-то задел меня плечом, кто-то громко смеялся, пахло духами и свежим кофе из автомата — обычный утренний хаос, от которого уже к концу первой недели начинает дергаться глаз.

— Да-да, Лер, бегу!

Ну почему? Почему именно сегодня? Я рванула с места, переходя на быстрый шаг, лавируя между группами студентов, но мир сегодня решил добить меня по полной. Чертов стул, старый, облезлый, стоящий у стены так, будто специально подставил мне свою ножку. Я зацепилась мыском кроссовка и с противным, режущим слух треском, почувствовала, как по ноге поползла ледяная дорожка.

Дорогие, качественные колготки, которые мама купила перед отъездом, приговаривая «в институт надо прилично одеваться». Я уставилась на длинную стрелку, убегающую от колена вниз, к щиколотке. Аккуратная, гадкая, не останавливающаяся дыра. Черт. Черт. Черт. Ладно, пофиг. Лак для волос, который, по легендам, спасает в таких ситуациях,

остался в общежитии на столике у зеркала.

Да и какой лак? Это же просто дыра, а не порез. Я залезла в туалет, на удивление пустой, стянула колготки, чувствуя пальцами прохладу кафеля под босыми ступнями, и, даже не взглянув на них, с каким-то мрачным удовольствием отправила в мусорку. В зеркале отразилась растрепанная я: разгоряченная быстрой ходьбой, с выбившимися прядями из некогда аккуратного пучка белых волос, с лихорадочным румянцем на щеках. С голыми ногами так с голыми ногами. В сентябре. Я закатила глаза своему отражению. Выкрутимся.

Выскочив из туалета, я поняла, что коридор опустел. Резко, как будто звук выключили. Все уже разбежались по аудиториям. Лерка, конечно, умчалась занимать место для нас двоих — она всегда так делает, надежный мой таракан. А я теперь мечусь по этому лабиринту одна, эхо моих шагов гулко отскакивает от стен.

— Дурацкий вуз, дурацкая философия, — бубнила я себе под нос, лихорадочно выискивая глазами табличку с нужным номером. Таблички, как назло, были маленькими, тусклыми и висели где-то под потолком. Настроение было ниже плинтуса, где-то в подвале вместе с этими злосчастными колготками.

На очередном повороте, где коридор делал слепой, дурацкий изгиб, я влетела в кого-то. В буквальном смысле. Уткнулась носом во что-то твердое, как скала, пахнущее дорогой кожей куртки и терпким, чуть сладковатым мужским парфюмом. От неожиданности я даже выдохнула.

— Эй, детка, поосторожнее, — раздался насмешливый голос прямо надо мной. Слишком близко. Интонация скользкая, как масло.

— Дай пройти! — буркнула я, даже не поднимая глаз. Я лихорадочно шарила в бездонной сумке в поисках наушников. Если уж опаздывать, то под музыку, отгородившись от этого идиотского мира.

— О-о, дерзкая малышка, — протянул голос, теперь в нем слышалась не просто насмешка, а откровенная издевка, смешанная с интересом.

Ага, нашла! Пальцы нащупали спутанный клубок белых проводов. Я вытащила их и, даже не поднимая головы, не удостоив взглядом это напыщенное ничто, вскинула в воздух средний палец. Мол, иди ты, клоун, со своими подкатами. И сделала шаг в сторону, чтобы обойти препятствие.

— Эй.

Чья-то рука грубо, до боли, схватила меня за запястье и дернула обратно. Рывок был такой силы, что я споткнулась, потеряла равновесие и, если бы меня не удержали, точно растянулась бы на полу. Меня развернули, как куклу. Я подняла глаза и... сглотнула, почувствовав, как внутри неприятно холодеет. Передо мной стоял парень. Высокий, очень высокий, в распахнутой кожаной куртке, под которой была простая черная футболка, обтягивающая широкие плечи. Темные волосы небрежно, но дорого уложены, взгляд тяжелый, цепкий, прожигающий насквозь. В таких глазах нет тепла, только оценка.

Старшекурсник, это чувствовалось по уверенной, даже наглой манере держаться, по тому, как пространство вокруг него будто сжималось. Опасный тип. Красивый, но опасный. Хищник.

— Далеко ли, дерзкая, собралась? — спросил он, слегка склонив голову набок. Губы кривились в усмешке, но глаза оставались холодными.

— На пару! Пусти! — я дернула руку, пытаюсь высвободиться, но его пальцы сомкнулись на моем запястье, как стальной капкан.

— Не-е, — он покачал головой, даже не думая ослаблять хватку. — Мне интересно, как зовут эту дерзкую малышку, что осмелилась палец мне показать. Представься.

До меня дошло. «Царь, бог университета». Слухи о местной «элите» долетали даже до меня, вечно витающей в облаках. Я закатила глаза, чувствуя, как внутри закипает злость. Типичный альфа-самец с раздутым эго, возомнивший о себе бог весть что. Еще и со свитой. Рядом с ним топтались двое таких же, не менее пафосных, парней, видно, что мажоры, с интересом наблюдая за сценой, как зрители в театре.

— А ты кто такой? — я прекратила бесполезные попытки вырваться, посмотрела на него в упор, с вызовом. Голос звучал ровно, хотя пульс уже стучал в висках. — Царь, бог университета? Поздравляю. Только вот незадача — богам я не поклоняюсь. Атеистка.

Я резко выдернула руку, пользуясь тем, что он слегка ослабил хватку от неожиданности такого ответа. Сделала шаг назад, чтобы оказаться подальше от его гипнотизирующего, давящего взгляда, и процедила, чеканя каждое слово:

— Еще раз тронешь — по яйцам получишь! Без предупреждения.

Его компания парней за спиной оживилась, раздалось улюлюканье и свист.

— Хрена, Демон, она тебя! — восхищенно выдохнул один, тот, что покрупнее, с наглой рожей.

— Завали, Горыныч, — бросил этот самый «Демон», даже не обернувшись.

Его взгляд ни на секунду не отрывался от меня. В глазах промелькнуло что-то новое: не просто интерес, а опасное веселье, смешанное с холодной злостью. Я зацепила его. И, кажется, не в том смысле, в котором мне бы хотелось.

— Серьезно? Демон? Горыныч? — я фыркнула, окинув их всю компанию презрительным взглядом, специально задержавшись на каждом. — Мда. Кликухи еще те. Прямо банда клоунов из цирка.

Я развернулась и, гордо задрав подбородок, чувствуя спиной их взгляды, пошла дальше по коридору. Сердце колотилось где-то в горле, ладони вспотели, но я заставила себя идти спокойно, не ускорять шаг.

— Мы еще поговорим, мелкая, — донеслось мне в спину.

Голос был тихий, но я расслышала каждое слово. В нем не было угрозы, была констатация факта.

— Сам мелкий! — крикнула я, не оборачиваясь, и только потом прибавила шаг. Я влетела внутрь аудитории, плюхнулась на свободное место рядом с Леркой и уставилась в одну точку на доске.

Перед глазами стоял его наглый, самоуверенный взгляд, холодные глаза и кривая усмешка. «Демон». Ну и имечко. Я потеряла запястье, на котором уже начинал проступать красный след от его пальцев. Первое сентября обещало быть веселым. Очень веселым.

— Ты где пропадала? — прошипела Лерка, как только я плюхнулась на соседний стул. Она уже успела разложить тетради, ручки, даже бутылку воды поставила.

— Да в туалете, — выдохнула я, пытаясь унять бешеный стук сердца. — Стрелка на колготках, пришлось снимать. Короче, приехали.

Лерка округлила глаза, скользнула взглядом по моим голым ногам под столом и прыснула в кулак, прикрываясь ладонью.

— О-о, не повезло. Зато теперь ты официально та самая отчаянная девчонка, которая ходит с голыми ногами в сентябре. Легенда, — прошептала она с уважением, но глаза смеялись.

Я фыркнула и полезла в сумку за тетрадью. Руки до сих пор слегка дрожали после встречи в коридоре, но я приказала себе успокоиться. Подумаешь, какой-то напыщенный индюк в кожаной куртке. Мало ли их тут? Прорвемся.

Преподаватель, сухой мужчина в очках с толстыми линзами, сквозь которые его глаза казались огромными и рыбьими, монотонно бубнил что-то про античную философию. Я, как прилежная ученица (по крайней мере, в первую неделю учебы я дала себе зарок ей быть), старательно выводила в тетради: «Платон мне друг, но истина дороже...», хотя краем уха понимала, что пишу ерунду, и смысла фразы до конца не улавливаю.

— Нют, — Лерка бесцеремонно ткнула меня ручкой в бок, стоило преподавателю отвернуться к доске. — На день первокурсника идешь?

Я отвлеклась от размышлений о вечном и навязчивых мыслей о недавней встрече. День первокурсника? Оторваться? То, что доктор прописал после утреннего стресса.

— Коне-е-ечно! — просияла я, откладывая ручку. — Оторвемся по полной! В чате уже инфа есть у нашего потока?

— Ага, — Лерка заговорщицки понизила голос, хотя на нас и так никто не обращал внимания — вся группа уныло внимала Платону, кто-то даже клевал носом. — На природе. Где-то за городом, говорят, арендовали поляну. Будет что-то типа игр, костер, шашлыки, выпивка, музыка до утра. В общем, оторвемся!

— Су-у-упер! — мечтательно протянула я, представляя, как мы с Леркой отжигаем под открытым небом, подальше от этих душных стен и наглых старшекурсников. — Студенческая жизнь, мать ее! Наконец-то.

— Ага! — Лерка подперла щеку рукой, мечтательно глядя в потолок, но потом спохватилась. — Слушай, а ты в общагу уже заселилась? Ты вроде последняя приехала из наших.

— Да, только вещи побросала, — я поморщилась, вспомнив гору неразобранных сумок в углу комнаты, гору одежды, книг и прочего хлама. — Вчера вечером приехала, даже разобрать ничего не успела. Там, наверное, уже плесень завелась.

— Какая комната? — Триста пятнадцатая. Глаза Лерки вспыхнули неподдельной радостью, она даже подпрыгнула на стуле.

— О-о-о, супер! У меня триста двенадцатая! Рядышком! Соседки по этажу!

— Да? — теперь уже я уставилась на нее с восторгом. — Вообще круть! Значит, в гости бегать туда-сюда, вместе тусоваться, готовить по ночам...

— Ага, и зубрить перед сессией, запивая валерьянкой, — Лерка закатила глаза, но было видно, что она тоже рада. — Я сегодня как раз собираюсь вещи разложить нормально, а то этот бардак уже достал. Заходи, поможешь, заодно чай попьем, поболтаем по душам.

— Договорились, — кивнула я.

Преподаватель вдруг обернулся и строго посмотрел в нашу сторону поверх очков. Мы синхронно, как по команде, уткнулись в тетради, делая вид, что безумно увлечены конспектом. Я даже ручку снова схватила и вывела пару бессмысленных слов, чтобы хоть что-то писалось. Но мысли были уже далеко от аудитории. День первокурсника, шашлыки, музыка, новые знакомства... И старая знакомая пробле-

ма — нечего надеть. Ладно, разберемся. В общаге разберем, что есть. Главное, что рядом будет Лерка, а впереди — целая студенческая жизнь, полная приключений. И никакой Демон мне не испортит этот праздник.

Мы вышли из аудитории в шумный коридор, залитый солнцем из огромных окон. Впереди была свобода до вечера, а значит — можно наконец выдохнуть и нормально пообщаться, не оглядываясь на преподавателя. Лерка что-то рассказывала про расписание, но я слушала вполуха, все еще прокручивая в голове утреннюю встречу, чувствуя на запястье фантомную боль от его хватки.

— Эй, мелкая.

Я замерла. Сердце пропустило удар и забилося где-то в горле. Этот голос я узнала бы из тысячи — слишком много в нем было самоуверенной, хозяйский наглости. Медленно, очень медленно, я обернулась. Он стоял в компании все тех же прихлебателей, прислонившись плечом к стене, переговаривая проход. В руках — дорогой телефон, но взгляд был устремлен на меня. Хищный, цепкий, раздевающий. Лерка рядом со мной буквально застыла, превратившись в соляной столб, даже рот приоткрыла.

— Лер, пойдём, — я схватила подругу за руку повыше

локтя и дернула вперед, стараясь обойти их по широкой дуге. — Не обращай внимания. Ноль эмоций.

Мы сделали несколько быстрых шагов, почти пробежали мимо, но я спиной, каждым позвонком, чувствовала этот тяжелый взгляд. Лерка, придя в себя, зашептала, нервно оглядываясь через плечо: — Ань... Ты чего? Откуда ты его знаешь?

— Да не знаю я его, — отмахнулась я, стараясь говорить беззаботно, хотя голос предательски дрогнул. — Столкнулась перед парой, фак показала, когда он пристал, а он, видать, обиделся. Нежная натура, блин. Королевна.

Лерка прыснула от смеха, прикрывая рот ладонью, но глаза оставались испуганными.

— Ты серьезно? Ему? Ань, это же Демон! Ты что, реально не слышала? Говорят, он...

Она не договорила. Потому что в этот момент чья-то рука грубо, как клешня краба, схватила меня за локоть и резко развернула. Я даже пикнуть не успела, как оказалась прижатой спиной к холодной, шершавой стене коридора. Лерка испуганно отскочила в сторону, вжавшись в противоположную стену. — Отпусти! — рявкнула я, пытаюсь вырваться, но он

нависал надо мной, загоразживая свет, прожигая взглядом.

— Мелкая, — протянул он, склоняясь ближе, так что я чувствовала его дыхание на своей щеке, терпкий запах кофе и мятной жвачки. — Нехорошо получается. Фак показала, послала меня при всех и теперь сбегает, как нашкодившая кошка? Я не люблю, когда от меня сбегает. Совсем не люблю. — Я тебе, ваше величество, не мелкая, — процедила сквозь зубы, сверля его взглядом, стараясь не моргать.

Сердце колотилось как бешеное, где-то в ушах уже шумело, но показывать страх я не собиралась. Ни за что. Только не ему. Его дружки за спиной заржали, предвкушая шоу. Я слышала их мерзкий смех, но видела только его глаза.

— Что, язычок острый? — усмехнулся он, и в его глазах мелькнуло что-то опасное, но в то же время... заинтересованное? Игривое? От этого взгляда по спине пробежал холодок.

— Как бритва, — я оскалилась в ответ, чувствуя, как адреналин разгоняет кровь, притупляя страх. — Только смотри, порежешься, Демон. Порежу так, что мало не покажется. Шрам останется на всю жизнь, будешь девок пугать.

Лерка хихикнула где-то на периферии, нервно, истерично, явно осознав, что я в своей стихии — в режиме «бей или

беги» я всегда выбирала первое. Даже его дружки заухмылялись, переглядываясь. Им явно нравилось, что кто-то дает отпор их «лидеру», разнообразие в скучный день.

— Острая, значит, — он чуть отстранился, но руку с моего локтя не убрал. Наоборот, пальцы сжались сильнее, впиваясь в кожу. Вместо этого его взгляд скользнул ниже, по моим губам, задержался на шее, где пульсировала жилка, и вернулся к глазам.

— Знаешь, мелкая, твой язычок бы в другое место пристроить. Было бы больше пользы.

Внутри все перевернулось от такой наглости. Щеки вспыхнули жаром, но я скорее разозлилась, чем смутилась. Злость затопила страх.

— О, серьезно? — я закатила глаза так театрально, что он нахмурился, теряя нить разговора. — Демон, значит, а с фантазией беда? Клише из дешевого порно? Свой язык, если он у тебя вообще есть, пристраивай куда подальше. Знаешь, есть одно замечательное место — называется «подальше от меня». Рекомендую. Карту показать или сам найдешь?

Его брови поползли вверх. Он явно не ожидал такого ответа. Парни за его спиной уже откровенно ржали, кто-то да-

же засвистел.

— Гор, ну ты слышал? — выдохнул третий— Она его уделала! В хвост и в гриву!

— Вижу, Арс, — отозвался Гор. — На телефон снимать надо. Такого еще не было.

— Заткнитесь, — бросил Демон, не оборачиваясь, но в его глазах заплясали чертики.

Он рассматривал меня так, будто видел впервые. Будто я была не просто очередной первокурсницей, а... интересным экземпляром, который захотелось изучить поближе, прежде чем сломать.

— Слушай, мелкая, — его голос стал ниже, интимнее и злее, он наклонился к самому уху, обжигая дыханием. — Слишком дерзкая для первокурсницы, это факт. Но ничего, таких даже слаще ломать. Сопротивление только разжигает аппетит. Ты хоть знаешь, кому ты тут свой фак показала? На кого нарвалась?

— Ага, — кивнула я, не отводя взгляда. — На персонажа из дешевых сказок для мажоров. Ну так иди, сказочник, лесом. Лесом, говорю! Проваливай!

Его кулак врезался в стену в сантиметре от моего виска. Глухой, тяжелый удар, от которого, кажется, штукатурка посыпалась мне на волосы. Лерка за моей спиной ахнула. Я замерла, вжавшись в стену, но глаз не отвела. Только часто-часто заморгала.

— Ты хоть понимаешь, кому ты тут свойфак показала? — его голос стал тихим, вязким, опасным. Никакой игривости, только сталь и холодная ярость. Он был в сантиметре от меня, я видела каждую ресницу, каждую пору на его коже.

— Понимаю, — ответила я, чувствуя, как пульс бьется где-то в горле, как предательски дрожит голос, который я пытаюсь удержать. — Старшекурснику, у которого, судя по поведению, член вместо мозгов. И тот, видимо, маленький, раз так хочется самоутвердиться за счет девчонок. Он замер. В глазах мелькнуло что-то... нехорошее. Совсем нехорошее. Такое, от чего внутри все оборвалось.

— Смелая, — усмехнулся он, но усмешка была звериной, не предвещающей ничего хорошего. — Люблю таких смелых. Люблю ломать. Долго, со вкусом.

— Руку убери, — процедила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — И вали к своим. Цирк уже закончился.

— А если нет?

— А если нет, я тебе яйца оторву. Не здесь, так в другом месте. Я упертая, Демон. Очень упертая. И злопамятная.

Он смотрел на меня долго. Очень долго, изучающе, будто сканировал. Потом вдруг убрал руку от стены, отступил на шаг и... улыбнулся. Но от этой улыбки у меня кровь застыла в жилах. Холодная, уверенная улыбка хищника, который знает, что добыча никуда не денется.

— Запомнил, — кивнул он. — Ты теперь моя должница, мелкая. За публичное унижение при моих же парнях. Я вернусь за своим. Очень скоро.

— Жду с нетерпением, — бросила я и, схватив Лерку за руку, потащила её прочь, почти бегом.

Глава 2. Демид Молохов и компания.

— Анька, — выдохнула она, когда мы влетели в свою аудиторию и сели подальше от глаз преподавателя — ты с ума сошла? Совсем с ума? Это же Демид! Он реально отможенный на всю голову! Он может всё!

— Вижу, — ответила я, плюхаясь на свое место. Руки тряслись так, что пришлось сесть на них, чтобы успокоить. — Но показывать страх нельзя, иначе сожрут и не подавят-ся. Ты видела его глаза? Ему только слабинку покажи — всё, приехали.

— А если он правда... — Лерка не договорила.

— Значит, буду драться, — перебила я, чувствуя, как злость снова поднимается внутри. — Я не из пугливых, Лер и в обиду себя не дам. Даже такому, как он.

Лерка покачала головой, но промолчала, только обняла за плечи. А я сидела и смотрела в одну точку перед собой. Внутри всё дрожало, колотилось и ныло, но я знала одно:

отступать нельзя. Назад дороги нет. Я сама выбрала этот бой, когда показала ему фак и теперь придется драться до конца.

— Лер, а ты откуда про Демида-то знаешь? — спросила я, косясь на неё, когда уже пара началась.

— Ну так надо новости смотреть, да сайты читать, Ань, — она закатила глаза, как на несмышлёныша. — Это ж сын нефтемагната. Нефть, газ, трубы — короче, бабла немерено, счет с кучей нулей в одну строчку не помещается.

— Пф, — фыркнула я, крутя в пальцах сорванную травинку. — Ну так и учился бы в каких-нибудь Эмиратах, в своей швейцарской школе для богатеньких. Нахрена ему Москва, наш общажный университет?

— Ну так здесь штаб-квартира фирмы у отца, головной офис, — Лерка понизила голос, наклоняясь ближе, хотя вокруг никого не было. — Наследник и всё такое. Ему всё можно, понимаешь? Абсолютно всё. Золотой мальчик. За ним подчистят, сотрут записи с камер, наймут адвокатов, свалят на какого-нибудь Васю Пупкина из области, а тот только рад будет отсидеть в тюрьме вместо него за хорошие деньги.

Я присвистнула сквозь зубы.

— Лер, по-моему, ты пересмотрела свои эти криминальные сайты и сериалы. Жизнь — не кино.

— Ага, — усмехнулась она горько. — Конечно, не кино. А к стене прижал при куче свидетелей — и ничего. Никто и пикнуть не посмел. Даже декан мимо прошёл по коридору, краем глаза глянул и сделал вид, что не заметил. Просто прошёл мимо, понимаешь?

Я замерла. Об этом я как-то не подумала. Декан прошёл мимо. Не вмешался. Не спросил, что происходит.

— И что ты предлагаешь? — спросила тихо, чувствуя, как внутри снова разрастается холод.

— Ничего, — пожала плечами Лерка. — Просто будь осторожна, Ань. Это не школьные разборки на заднем дворе. Это другой уровень. Совсем другой.

— Да плевать, — отмахнулась я, но внутри стало зябко и тоскливо. — Наплевать мне на его папочку-миллиардера. Не тронет больше и ладно. А тронет — я сама разберусь. Кулаками, зубами, чем придется.

— Ну-ну, — хмыкнула Лерка. — Смотри, Анька, чтобы не поздно было. Чтобы не пришлось разбираться, когда уже

все случилось. Я устала в тетрадь, но буквы плыли... Нефтемагнат, наследник, «всё можно»... Чёрт. Ну и вляпалась же я. В первый же день.

— А фамилия-то у него хоть какая? — спросила я, делая вид, что мне просто интересно, но на самом деле пытаюсь переварить информацию. — Почитаю на досуге, погуглю.

— Молохов, — Лерка понизила голос до шёпота, хотя мы уже подходили к общаге. — Демид Молохов. А тот, что рядом был, крупный такой, набыченный — Егор Митяев. У его отца медиаимперия: сайты, телеканалы, газеты, всё такое. Тоже ещё тот отморозок, судя по сплетням в сети. Девочек меняет как перчатки.

— А тот, третий, что молчал больше и с ледяным взглядом? Он тоже с ними? Красивый такой, блондин?

— Арсений Нечаев, — Лерка покосилась на дверь аудитории, будто он мог там стоять. — У его отца отели, рестораны, клубы по всей стране. Шишка крупная, из старых денег. И знаешь, что самое страшное? Он, в отличие от Демиды, — как лёд. Холодный, тихий, вежливый даже, но не менее опасный. Говорят, даже более. С таким вообще не понятно, что в голове. Он никогда не повышает голос, просто смотрит и улыбается. Жуть.

— Элита университета, значит, золотая молодежь, — усмехнулась я, но усмешка вышла кривой и нервной.

— Ага, — кивнула Лерка. — У них что-то типа закрытого клуба. Все трое — мажоры, элита. Им всё сходит с рук. Ты вообще понимаешь, на кого нарвалась в первый же день?

Я откинулась на спинку скамейки у входа и уставилась в серое сентябрьское небо.

— Понимаю, — выдохнула я. — Поздно уже отступить, Лер. Я ему фак показала, послала, при всех унизила. Он не забудет. Такие не забывают.

— Не поздно, — горячо зашептала Лерка, схватив меня за руку. — Ань, ты можешь просто не пересекаться с ним. Ну послала и послала. Он найдёт другую игрушку, их тут много, первокурсниц пруд пруди.

— Найдёт, — согласилась я. — Но что-то мне подсказывает, что этот... Молохов... не из тех, кто забывает обиды. Он же сам сказал — вернется.

Лерка замолчала, потому что знала — я права. По глазам его видно было — упрется рогом, но докажет, что он тут

главный.

— Ладно, — она сжала мою руку. — Если что я рядом. И если этот твой Молохов...

— Не мой, — перебила я резко.

— Пока не твой, — поправилась Лерка с кривой усмешкой. — Если он что-то попробует, мы вместе придумаем, как ответить. Вместе мы сила.

— Спасибо, — улыбнулась я, чувствуя благодарность. — Ты лучшая. Правда.

— Знаю, — хмыкнула она.

Пара закончилась все подскочили, сегодня больше никакой учебы, свобода.

Мы встали, собрали вещи и пошли к двери.

— Ну слушай, он же на последнем курсе, этот Молохов. Значит, год потерплю, буду прятаться по углам, игнорировать.

Лерка посмотрела на меня с таким выражением, будто я

сказала, что собираюсь прыгать с крыши.

— Ань, — она остановилась прямо перед дверью и заговорила тихо, но очень серьезно, глядя мне в глаза, — он за год тебя может в асфальт закатать. Буквально. И скажет, что так и было, что ты сама упала.

Я замерла.

— Чего?

— Того, — Лерка вздохнула. — Ты не понимаешь масштабов. У них связи, деньги, адвокаты, вся система на них заточена. Если Молохов захочет тебя уничтожить — он это сделает. Легко. Просто пальцем щёлкнет и твоей жизни в этом городе не станет.

— За что меня уничтожать? — я почувствовала, как внутри закипает злость — За то, что я фак показала? За то, что послала подальше?

— За то, что ты не прогнулась, — спокойно ответила Лерка. — Для таких, как он, это самое страшное оскорбление. Ты же видела его лицо, когда ты ему ответила. Видела его глаза? Он не привык к отказам. Для него это вызов.

Я молчала. Потому что она была права. Я видела. Злость, удивление, азарт — всё смешалось в его глазах. И это было страшнее, чем если бы он просто разозлился.

— И что мне теперь делать? — спросила тихо, почти шепотом. — Извиняться? На колени встать?

— Не поможет, — покачала головой Лерка. — Ты уже зацепила его. Теперь он не отстанет, пока не добьётся своего. Пока не сломает.

— А если я не сдамся?

— Тогда, — Лерка вздохнула, — будем надеяться, что ты сильнее, чем его деньги и власть. И что мы придумаем, как выкрутиться.

Я сжала ключ от комнаты в руке так, что металл впился в ладонь.

— Чёрт, — выдохнула я. — И зачем я только в этот универ поступила? Сидела бы дома, в своем городе...

— Затем, что хочешь нормальное образование и вырваться из этого своего города, — усмехнулась Лерка. — Кто ж знал, что здесь такой серпентарий?

— Серпентарий, — повторила я. — Хорошее слово. Очень точное.

Мы замолчали и пошли в сторону лестницы, ведущей на первый этаж универа, а я думала о том, что сказала Лерка. «В асфальт закатает». Красиво сказано. И, судя по всему, вполне реально, но сдаваться я не собиралась. Пусть попробует. Я буду драться. До последнего.

Глава 3. Война и никак иначе

Мы вышли из дверей университета, и теплый осенний воздух ударил в лицо — резкий, пахнувший пылью и бензином после духоты коридоров. Впереди — два дня свободы.

Лерка что-то щебетала про планы на выходные, но я слушала вполуха, сжимая в кармане ключи от общаги. Хотелось одного: добраться до кровати, зарыться лицом в подушку и провалиться в сон без снов. Парковка перед универом была забита машинами — студенты разъезжались по домам, кто-то курил у крыльца, кто-то обнимался на прощание.

— О-о-о, а вот и сучка, — раздалось справа, откуда-то из-за припаркованных машин. Голос резанул по нервам, как лезвием по стеклу. Я замерла на секунду — сердце пропустило удар, а потом забило где-то в горле, быстро и больно. Этот тягучий, насмешливый тон, эта наглая интонация собственника, от которой внутри всё сжимается в тугий узел — я узнала бы его из тысячи.

Лерка рядом со мной вцепилась в мой локоть так, что я почувствовала ее ногти даже сквозь плотную ткань куртки.

— Не обращай внимания, — выдохнула она одними губами. — Просто иди. Не смотри на них.

Я быстро пошла вперед, даже не поворачивая головы. Лерка семенила рядом, вцепившись в меня мертвой хваткой. Я смотрела прямо перед собой — на припаркованные машины, на выезд с парковки. Еще немного — и мы свернем за угол, а там общага.

— Сам сучек, — бросила я через плечо, не сбавляя шага. Глупо. Очень глупо. Смертельно глупо. Но язык опередил мозг. Злость всегда была быстрее страха. Сзади раздались тяжелые шаги — быстрые, уверенные, неумолимые. Чья-то рука грубо, до хруста в суставах, вцепилась в мой локоть и рванула обратно с такой силой, что я врезалась спиной во что-то твердое — в его грудь, потом крутанула к себе лицом.

— Ну, блядь, договоришься сейчас, мелкая, — прошипел он мне в лицо, наклоняясь так близко, что я чувствовала запах сигарет, дорогого парфюма и еще чего-то хищного, звериного.

Я подняла глаза и провалилась в его взгляд. Черный, пустой, бешеный. Внутри всё оборвалось и рухнуло в ледяную пропасть. А в следующую секунду я перестала думать. Вообще. Ни секунды на размышления. Страх ушел — осталась

только злость. Горячая, слепая, спасительная злость, которая кипит в крови и выжигает всё остальное. Моя рука взметнулась сама — и со всей дури, со всей силы я отвесила ему звонкую пощёчину.

Звук разрезал вечерний воздух, как выстрел. На секунду всё замерло. Птицы замолчали. Ветер стих. Даже его друзья за спиной перестали дышать. Остались только мы двое. Его щека горела красным — яркий след на смуглой коже. А в глазах... в глазах было что-то такое, от чего у меня внутри всё оборвалось окончательно. Чернота. Пустота. Ярость без границ. А в следующую секунду мир перевернулся.

Он рванул меня за куртку, сминая ткань, и припечатал спиной к бетонному столбу парковки с такой силой, что искры посыпались из глаз, а затылок обожгло болью. Я даже вскрикнуть не успела — воздух застрял где-то в груди. А его ладонь — горячая, жесткая, огромная — сомкнулась на моей шее. Не сжимая. Не душа. Пока. Фиксируя. Контролируя. Как удав, который примеряется перед броском. Как хозяин, который берет свою вещь.

— Ты, — выдохнул он мне в лицо, и от этого тихого, вязкого шепота кровь застыла в жилах, превратившись в лед, — мелкая дрянь. Посмела отвесить пощёчину? Мне?

Я не могла дышать. Не от его руки — от его взгляда. Черного, пустого, бешеного. Таким смотрят перед тем, как убивать. Я видела этот взгляд в каком-то фильме ужасов — там маньяк так смотрел на жертву перед тем, как перерезать горло.

— Отпусти её! — Леркин крик донёсся откуда-то издалека, будто из-под толщи воды. Но он даже ухом не повёл. Для него не существовало ничего, кроме меня.

— Мне, — он наклонился ближе, вжимая меня в бетон, и я почувствовала спиной каждую неровность столба, — ещё никто и никогда не смел давать пощёчины. Ты хоть понимаешь, что сейчас сделала?

Я смотрела в его глаза и не могла вымолвить ни слова. Страх сковал горло сильнее, чем его пальцы. Язык прилип к нёбу. В ушах шумело, перед глазамиплыли черные точки.

— Демон, — голос Гора раздался сзади, напряженный, непривычно серьезный, — остынь. Люди смотрят. Здесь народу полно.

— Похер, — процедил тот, не сводя с меня взгляда. Его пальцы на моей шее чуть дрогнули — и я поняла, что ещё секунда, и он сожмет их.

— Арс, скажи ему, — донёлся голос Гора, в котором проскользнули панические нотки. И тогда в разговор вмешался третий. Тот, холодный, что всё это время молчал и наблюдал, стоя чуть поодаль. Арсений. Он шагнул ближе — бесшумно, как хищник — и положил руку Демиду на плечо. Спокойно, почти ласково.

— Дем, — сказал он тихо, ровно, без эмоций, — убери руку. Она трясётся. Ещё немного — и сломаешь ей шею случайно. Оно тебе надо? Демид дёрнулся, но руку не убрал. Только сжал челюсти так, что желваки заходили под кожей.

— Она...

— Я вижу, — перебил Арсений всё тем же ледяным, спокойным тоном. — Но не здесь. Не так. Ты же умный. Не при людях.

Секунды тянулись, как резина. Я чувствовала, как дрожат колени, как предательски мокреют ладони, как по виску стекает капля пота. Я чувствовала его пальцы на своей шее — каждый палец, каждую фалангу. И ждала. А потом он разжал руку. Я сползла по столбу, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

Колени подкосились, и если бы Лерка тут же не подлетела и не подхватила меня под руки, я бы просто осела на асфальт.

— Аня, Аня, ты как? — её голос пробивался сквозь шум в ушах. — Ты цела? Дыши! Дыши, Аня!

Я не могла ответить. Только смотрела на него снизу вверх, вцепившись в Леркину руку. Демид стоял надо мной, прожигая взглядом. В глазах — уже не бешенство, а холодная, расчетливая злость. Арсений — рядом, спокойный, как удав, с легкой полуулыбкой на губах. Гор — чуть поодаль, с непривычно серьёзным лицом, оглядывающийся по сторонам.

— Запомни, мелкая, — процедил Демид, глядя на меня сверху вниз. Голос низкий, вязкий, как смола. — Это не конец. Ты ответишь за пощёчину. Я ещё вернусь за тобой.

Он развернулся и пошёл к машине — чёрной ламборджини. Гор и Арсений — за ним. Арсений на ходу обернулся, окинул меня коротким взглядом — оценивающим, холодным, будто прикидывая, сколько я проживу. Я сидела на асфальте и не могла пошевелиться. Только смотрела, как чёрная ламба выезжает с парковки, как машина исчезает за поворотом.

— Анька, — Лерка трясла меня за плечи, — вставай, нам надо уходить. Анька! Вставай, слышишь?!

Я встала. Ноги не слушались, дрожали, подкашивались, но я встала. Потому что если я сейчас упаду — он победит. А я не могла ему этого позволить.

— Га-а-ад, — выдохнула я, когда мы отошли на безопасное расстояние, свернув за угол. — Вот же га-а-ад...

Я остановилась, уперлась руками в колени, пытаюсь отдышаться. В груди жгло, в горле стоял ком, руки тряслись так, что я не могла сжать их в кулаки.

— Ань, забей, — Лерка трясущимися руками пыталась зажечь сигарету, но зажигалка не слушалась, чиркала мимо фитиля. — Просто забей. Забуди. Игнорь.

— Хренас два! — рывкнула я, выпрямляясь. Голос сорвался на хрип. — Забуди? Он меня за шею взял, Лер! За шею! При всех! И ты говоришь — забей?

— А что ты сделаешь? — Лерка наконец закурила, глубоко затянулась, выпустила дым трясущимися губами. — Ты видела этого, холодного? Он вообще страшный. Без эмоций. Такие хуже бешеных. А этот... Демон... он же реально отмо-

роженный.

— Плевать, — я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, оставляя красные полумесяцы. — За шею, Лер. Он взял меня за шею. Как какую-то... вещь.

— Я знаю, — Лерка выпустила дым, он пополз вверх, тая в вечернем воздухе. — Я видела. У меня сердце остановилось, когда он тебя к столбу припечатал. Но что ты сделаешь? Их трое, они старше, у них деньги, связи, папаши...

— А у меня — руки и ноги, — перебила я. — И шесть лет каратэ за спиной. Не зря же я пояса получала. Вспомню.

Лерка посмотрела на меня с сомнением.

— Помнишь хоть что-то?

— Вспомню, — отрезала я. — Если он ещё раз подойдёт — вспомню. И покажу. Не на шее, так по яйцам. Коленом встречу.

— Ань, — Лерка вздохнула, — ты рисковая, конечно. Бешеная просто. Но этот тип... он реально страшный. Ты видела его глаза? У него там пустота.

— Видела, — кивнула я. — И мне плевать. Пустота у него, может, в голове. А я себя в обиду не дам. Ни ему, ни его друзьям.

Мы пошли дальше. Я всё ещё тряслась — от злости, от страха, от адреналина, который волнами накатывал и отпускал. Пальцы дрожали, колени подкашивались, но внутри разгоралось что-то ещё. Решение. Твёрдое, холодное, как сталь. Если этот придурок думает, что может лапать и хватать кого угодно — он сильно ошибается.

— Лер, — сказала я, когда мы подошли к общаге, — завтра начну вспоминать. Все приёмы. Всё, чему меня учили.

— Ань...

— Если он тронет меня ещё раз, — перебила я, — я его покалечу. И плевать мне на его папочку-магната. Плевать на деньги, связи, адвокатов. Я его покалечу так, что он до конца жизни будет вспоминать, как к девчонкам приставать.

Лерка посмотрела на меня долгим взглядом. В её глазах было что-то странное — смесь страха, восхищения и надежды.

— Знаешь, — сказала она тихо, — я, наверное, впервые

рада, что ты такая бешеная.

Я усмехнулась. Криво, через силу.

— Пошли, — кивнула на дверь общаги. — Сборы на посвящение в первокурсники. Завтра новый день. И новый раунд с этим... Молоховым.

Глава 4. Посвящение в первокурсники

— На день первокурсника-то идёшь? — Лерка ловко перевела тему, видимо, поняв, что ещё немного — и я реально рвану мстить этому придурку прямо сейчас. — Говорят, с палатками за городом. Поляна, пьянка, костёр. Около какой-то базы отдыха, там и палатки взяли в аренду.

Я выдохнула, заставляя себя переключиться. Провела рукой по лицу, прогоняя наваждение. Каратэ подождёт до завтра. А вот оторваться на посвящении — самое то после такого дня.

— Да, поехали, — кивнула я. — Переоденусь и вещи собрать надо.

— Вот это уже лучше! — Лерка довольно улыбнулась, и в её глазах зажглись привычные озорные огоньки. — Тогда сегодня в 18:00 зайду за тобой. Такси закажем. В чате скажали, что человек двести будет. Наш поток, психфак, ну и старшаки, говорят, подтянутся.

— Старшаки? — я напряглась, внутри кольнуло неприят-

ное предчувствие.

— Ну да, — Лерка пожала плечами. — Ты же знаешь, у них тоже посвящение было, но они любят на наши тусовки заглядывать. Типа опыт передают, ну и заодно на свеженьких посмотреть.

— Опыт, — хмыкнула я. — Передадут они опыта... Особенно некоторые.

— Ань, забей, — Лерка отмахнулась. — Там народу тьма, затеряемся в толпе. Да и не факт, что этот твой... ну, в смысле, Молохов вообще приедет. У них там своя тусовка, поди, в каких-нибудь элитных клубах.

— Посмотрим, — буркнула я, но внутри всё равно кольнуло. А если приедет? Хотя плевать. Пусть только попробует при всех. При людях он вряд ли решится на то, что позволял себе на пустой парковке.

— А что за место хоть? — спросила я, чтобы отвлечься от навязчивых мыслей.

— Да Подмосковье, — Лерка оживилась, затараторила, жестикулируя. — Там лес, сосны, рядом дом отдыха и ещё озеро недалеко. Костя фотки скидывал — место супер, сказ-

ка просто. Тем более сентябрь жаркий, считай продолжение августа. Можно и искупаться. Стоячая вода теплее.

— Супер, — кивнула я, и настроение чуть поползло вверх.
— Значит, берём купальники. Самые красивые.

— Ага, — Лерка подмигнула. — И заодно покажем этим старшакам, какие первокурсницы пошли. Яркие, смелые и неуловимые, как партизанки.

— Неуловимые — это точно, — усмехнулась я. — Особенно от некоторых товарищей с раздутым эго. Мы зашли в общагу, и я поймала себя на мысли, что впервые за сегодня улыбаюсь по-настоящему, а не кривлю губы в злой усмешке.

Война войной, а жизнь продолжается. И пусть этот Молохов со своей золотой свитой катятся лесом. У меня есть подруга, новый купальник и целая ночь у костра впереди.

Пока шла по лестнице на третий этаж я машинально поднесла руку к шее, провела пальцами по коже. Под подушечками до сих пор горело — не физической болью, нет. Чем-то другим. Контролирующим. Собственническим. Как будто он оставил на мне невидимую метку, и теперь это будет жечь всегда, напоминая, что я для него — всего лишь вещь, которую он не успел доломать.

— Сука, — прошептала я, глядя на своё отражение в зеркале между этажами. — Собственник отмороженный. За шею хватать. Царь, бог и дьявол всея университета.

— Что? — Лерка не расслышала.

— Ничего, — мотнула головой. — Это я так... мысли вслух. — Ничего, моя коленка с его яйцами скоро познакомится. Лично прослежу, чтобы знакомство было незабываемым. Свадьба, цветы, карета из тыквы — всё как положено. Лерка прыснула, прикрывая рот ладонью.

— Анька, ты невыносима. Реально.

— Это он невыносимый, — поправила я, нажимая кнопку вызова лифта для неё. — Я — адекватная. Просто справедливость восстанавливаю. Народным методом.

— Восстановительница хренова, — хмыкнула Лерка. — Ладно, давай вещи собирать. Через два часа выезжаем. Чтоб как штык была в холле.

— Ага, — кивнула я, выходя в коридор. — Встречаемся в восемнадцать ноль-ноль. Не опаздывать.

— Договорились. Мы вышли на свой этаж и разбредились по комнатам.

Я зашла в комнату, бросила сумку на пол и подошла к зеркалу. Из потёртого алюминиевого прямоугольника на меня смотрела растрёпанная девчонка с лихорадочно горящими глазами и красными следами на шее. Я провела пальцами по коже — отпечатки его пальцев уже начали бледнеть..

— Ничего, Молохов, — сказала своему отражению, вглядываясь в собственные глаза. — Посмотрим, кто кого. Это ещё не вечер.

Достала телефон, набрала сообщение Лерке:

"Купальник братъ самый красивый. Пусть знают наших. "

Ответ прилетел мгновенно:

"Огонь ## Беру красный, у меня как раз новый. Будем как спички"

Я усмехнулась и полезла в шкаф. Посвящение начинается.

Собрала сумку... Почти чемодан, блин. Я окинула взглядом развороченную комнату. Вещи лежали на кровати, стуле

и даже на полу, образуя археологические слои цивилизации. Ну а что? Теплые вещи — мало ли, ночью похолодает. Купальник — бикини, самый красивый, пусть знают. Полотенце, сменные вещи — костром ведь провоняю до нитки, и не дай бог кто-нибудь прольёт на меня что покрепче колы. Таблетки от головы, порошок от тошноты — опытная, блин, туристка. Фонарик, ножик — на всякий случай, вдруг маньяки. Носки, нижнее белье, зарядка, плед, пакеты для мусора...

— Анька, ты чего там, в поход собралась или на войну? — Лерка заглянула в дверь, уставившись на мои сборы круглыми глазами.

— И то и другое, — буркнула я, пытаюсь утрамбовать всё это добро в сумку, которая отказывалась закрываться.

— Война с Молоховым, поход за впечатлениями. Стратегический запас.

— Ножик-то зачем? — приподняла бровь Лерка.

— Резать колбасу, — усмехнулась я, наваливаясь на сумку коленом. — Или кое-кого, если полезет. В зависимости от обстоятельств.

— Анька, — Лерка закатила глаза, но улыбнулась. — Ты

неисправима. Совершенно.

— Знаю, — кивнула я, с трудом застёгивая молнию. Пальцы дрожали от напряжения. — Готова. Пошли, пока сумка не взорвалась.

— Погнали, — Лерка подхватила свой рюкзак. — Такси уже у подъезда, водила звонил. Я схватила сумку, чуть не упав под её весом — меня аж перекосило на одну сторону, и мы вышли в коридор.

— Слушай, — Лерка покосилась на мою поклажу, — а ты уверена, что всё это влезет в палатку? Может, там места, как в бочке с селедкой?

— Влезет, — отрезала я, перехватывая лямку поудобнее. — Я компактная. И вещи мои компактные. Просто их много.

— Ага, — хмыкнула Лерка. — Компактная, как танк Т-34. Неуязвимая и везде пройдёт.

— Иди ты!

Мы вышли на улицу. Вечерний воздух пах асфальтом, прогретым за день, и свободой. Впереди была ночь, костёр, новые знакомства и, надеюсь, никаких демонов. Но я по-

чему-то была уверена, что с этим "надеюсь" сегодня будут большие проблемы. На мне были лосины и обычная белая майка-лапша. На ногах легкие кросы. Ну не в платье же в лес на природу, в конце концов. Фигура неплохая, спасибо спорту. Спорт в моей жизни присутствовал плотно и регулярно, сколько себя помню. Отсюда и бёдра круглые, и попа накаченная, и талия узкая. Грудь вот в спорт не вписалась никак. Слишком заметная. Троечка. Такую фиг утянешь, да и не собиралась я ничего утягивать. Вроде нормально. Не на показ мод еду, а к костру. Хотя Лерка потом скажет, что я и в таком виде всех местных парней положу на лопатки.

— Ох, Анька, наконец-то студенческая жизнь! — Лерка откинулась на сиденье такси, довольно жмурясь, как сытая кошка.

— Да-а, красота, — я уставилась в окно на проплывающие мимо огни Москвы. — Ещё и общага теперь. Впечатлений на всю жизнь хватит, до пенсии рассказывать буду.

— Это точно, — кивнула Лерка. — Главное — без тараканов чтоб в комнате.

— И без демонов, — добавила я.

Мы синхронно хихикнули, переглянувшись. Такси свер-

нуло с трассы, зашуршало по грунтовке и вскоре остановилось у шлагбаума с табличкой «База отдыха «Сосновый бор». На парковке уже стояло несколько машин, народ кучковался, доставая сумки из багажников, слышались смех и мат.

— Ну, судя по чату, — Лерка уткнулась в телефон, экран осветил её лицо, — дальше пешочком. Два километра по лесной тропе. Там поляна за базой.

— Ох, нифига себе, — я посмотрела на свою неподъемную сумку. — Ну окей. Спортсменки, блин.

— Ага, свежий воздух, — философски заметила Лерка, выбираясь из машины. — Полезно для здоровья.

— У меня если что фонарик есть, — вспомнила я, хлопая по карману рюкзака. — А то темнеть уже начинается, в лесу хоть глаз выколи.

— Ну в лесу никто не водится, — отмахнулась Лерка, но как-то неуверенно.

— Ага, — я вытащила следом свою поклажу и закинула на плечо, чуть не рухнув. — Главное, чтоб демоны по кустам не сидели. А то вдруг у них там лежбище.

Мы снова приснули и, подхватив вещи, потопали по тропинке в сторону леса. Сумки то и дело цеплялись за ветки, ноги скользили по влажной земле.

— М-м-м, воздух класс! — я глубоко вдохнула, останавливаясь на секунду, чувствуя, как лёгкие наполняются чем-то чистым и живым. — Это тебе не московский воздух с бензином и асфальтом.

— Да-а, кайф, — Лерка тоже замерла, вдыхая полной грудью, запрокинув голову к темнеющему небу. Вокруг темнели сосны — высокие, стройные, пахло хвоей, прелой листвой и приближающейся ночью.

Где-то вдалеке уже слышалась музыка — глухие басы пробивались сквозь лесную тишину, смешиваясь с треском костра.

— Пошли, — я подхватила сумку поудобнее. — А то все места у костра разберут, на задворках сидеть будем.

— Нам еще палатку занять надо! — вспомнила Лерка, на ходу листая телефон, экран прыгал в темноте. — Костя сказал, палаток всего семьдесят. По двое, по трое. Спальники на всех, но палатки лимитированы.

— Ого, — я перехватила сумку, лямка врезалась в плечо.
— Семьдесят — это вроде нормально на двести человек?

— Ну так то да не все ж с ночевкой останутся, но мало ли фифы разные по одному спать захотят, — пожала плечами Лерка. — Кто-то до утра, кто-то до полуночи, кто-то вообще на час заглянет. Мы-то с тобой остаемся до упора?

— А то! — фыркнула я. — Я эту дуру, — кивнула на сумку, — не зря тащила через весь лес. Будем дышать костром до утра, встречать рассвет, песни петь.

— Вот и я о том же, — кивнула Лерка. — Так что давай, наматывай километры, нам еще палатку выбивать.

Мы прибавили шаг. Тропинка петляла между сосен, в темноте уже мелькали огоньки и слышались голоса, смех, чей-то пьяный вскрик. Где-то рядом играла музыка — глухие басы пробивались сквозь лесную тишину, заставляя воздух вибрировать.

— Слышишь? — Лерка остановилась, прислушиваясь. — Кажется, уже близко.

— Ага, — кивнула я, чувствуя, как внутри разгорается предвкушение. — Еще немного — и мы на месте.

— Главное, — Лерка хитро прищурилась, — чтобы наши палатки были подальше от чьих-то там... демонов. Подальше в лес, поближе к выходу.

— Лерка! — я толкнула её плечом. — Не каркай, твою дивизию!

— А что? — засмеялась она. — Я просто предполагаю, анализирую риски.

— Предполагалка хренова, — буркнула я, но улыбнулась.

Лес расступился, и мы вышли на огромную поляну. Костер уже горел вовсю — огромный, в человеческий рост, выбрасывал в черное небо снопы искр, вокруг него сидели люди, кто-то жарил шашлыки, кто-то танцевал под музыку из колонки. Палатки стояли ровными рядами чуть поодаль, у кромки леса — разноцветные, как конфетти.

— Красота-а-а, — выдохнула я, чувствуя, как напряжение последних дней начинает отпускать. — Ага, — кивнула Лерка. — Пошли быстрее, пока места не разобрали, а то будем в проходе спать. Мы рванули к палаткам, таща свои неподъемные сумки, и я поймала себя на мысли, что впервые за этот день дышу свободно. Хоть на пару часов забыть про этого

ненормального Молохова.

— О, девчонки! Прибыли! — заорал Костян, завидев нас. Он стоял у длинного стола с пластиковыми стаканами и разливал что-то тёмное из пятилитровки. Мы с Леркой подтащили свои неподъёмные сумки поближе, тяжело дыша после марш-броска по лесу. Пот катился градом, руки дрожали от напряжения.

— Держите, бойцы, — он сунул нам по стакану, до краёв наполненным тёмной жидкостью. — За ваше прибытие.

— О, а что это? — я приняухалась. Пахло спиртом и колой.

— Да виски с колой, — Костян пожал плечами. — Нормальный виски, не шмурдяк.

— Ну нифига себе, — присвистнула Лерка. — Наш психфак — мажоры? Откуда деньги?

Костян заржал, довольно ухмыляясь.

— Ну не пойду же я всякое пойло пить, как некоторые. У меня стандарты.

— Это точно, — кивнула я, делая осторожный глоток. Об-

жигающая жидкость покатилаь по горлу, разлилась теплом в груди. — Но если что, я полисорб взяла. На всякий пожарный.

— О-о-о, — Костян поднял брови. — Надеюсь, не пригодится. Мы приехали раньше, часа на четыре, с пацанами. Часть палаток уже установили. Он махнул рукой в сторону, подальше от костра, где темнели ряды разноцветных палаток. — Вон там есть свободные, в дальнем ряду. Идите выберите, располагайтесь и дуйте к нам. Мы уже мангалы разоггли, шашлык через час поспеет.

— Супер, — Лерка подхватила свою сумку. — Пошли, Ань, пока места не расхватали.

Я кивнула, допила виски и потащилаь за ней.

Мы прошли между палатками, высматривая свободную. Где-то уже смеялись, где-то играла музыка, в воздухе пахло дымом, жареным мясом и приближающимся праздником. Настроение ползло вверх, отогреваясь после ледяного страха .

— Вон та, — Лерка ткнула пальцем в оранжевую палатку чуть поодаль, почти у самого леса. — Свободная и подальше от всех. И от костра далеко — выспимся нормально.

— Идеально, — кивнула я. Мы закинули вещи внутрь, быстро осмотрелись — два спальника, фонарик на батареях, нормально. Тесно, но нам не привыкать. Выдохнули и переглянулись.

— Ну что, — Лерка улыбнулась, и в свете фонарика её глаза блеснули, — пошли покорять студенческую жизнь?

— Погнали, — усмехнулась я, чувствуя, как адреналин сменяется предвкушением.

Мы вылезли из палатки и направились к костру, где уже вовсю кипела жизнь. Я поймала себя на мысли, что впервые за этот день почти расслабилась. Почти.

Народ всё подтягивался. Поляна гудела, как растревоженный улей — кто-то хохотал в темноте, кто-то матерился, споткнувшись о растяжки палаток, девчонки визжали у стола с выпивкой. Костер уже разгорелся вовсю, выбрасывая в черное небо снопы искр, и в их оранжевом свете лица казались чужими, почти демоническими. И тут со стороны тропы донесся низкий, угрожающий рёв моторов. Я обернулась и замерла. Из леса, петляя между соснами, вынырнули мотоциклы. Три «Харлея» — черные, блестящие хромом, с рёвом въехали на поляну и встали в ряд, как хищники на привале.

Фары на секунду ослепили, а когда глаза привыкли, я увидела тех, кто с них слез. Вокруг сразу собралась толпа — пацаны разглядывали мотоциклы, девчонки пялились на тех, кто с них слез. Высокие, уверенные, в коже — они двигались так, будто поляна принадлежала им по праву.

— Пойдём подальше от греха, — потянула я Лерку в сторону, чувствуя, как внутри снова заledenело всё. — Чует моё сердце, эти мажоры ещё доставят нам проблем.

— Ну не все ж мажоры как демон, — неуверенно сказала Лерка, но тоже напряглась.

— Вот не знаю и знать не хочу, Лер, — отрезала я, вглядываясь в темноту. — По мне так демон и его компания — это прям типичные мажоры. Наглые, с самомнением выше крыши, с чувством, что им всё позволено.

Мы пробрались к столам с выпивкой, музыка гремела так, что закладывало уши, кто-то уже танцевал у динамиков, кто-то целовался в темноте. Взяли уже разлитые стаканы — виски с колой. Я сканировала толпу на предмет опасности по имени Демид... Вглядывалась в каждую высокую фигуру, в каждый тёмный силуэт у костра. Вроде не было.

Глава 5. Точка невозврата

Выдохнула.

Мы уселись у костра на толстое бревно, болтали о всякой ерунде, смеялись, пили виски. Лерка травила байки про свою бывшую школу, я рассказывала про свою. Она отошла за костер взять еще стаканы. Напряжение потихоньку отпускало, согретое огнём и алкоголем. И тут над самым ухом — горячее, влажное дыхание и голос, от которого кровь застыла в жилах:

— А вот и моя сучка.

Я аж подпрыгнула, едва не свалившись с бревна. Резко вскочила, разворачиваясь, и врезалась взглядом в него. Он стоял в шаге от меня — наглый, самоуверенный, пьяный не столько от алкоголя, сколько от власти.

Глаза сверлили меня, раздевали, уничтожали. В них плескалась та самая животная, опасная энергетика, от которой внутри всё сжималось в тугий узел.

— Чего вылупился? — прошипела я, пытаюсь, чтобы голос не дрожал. — Пошёл вон.

Он усмехнулся — криво, хищно, как волк перед броском. Шагнул ближе, схватил за майку на груди, рванул к себе, так что ткань жалобно затрещала.

— Ммм, грудь зачет, — выдохнул он, глядя сверху вниз.
— Пойдём, потрёмся.

И не спрашивая, не давая опомниться, потащил меня куда-то в лес. Просто взял за шкурку, как нашкодившего котёнка, и поволок в темноту. Я попыталась вырваться, вцепилась ногтями в его руку, но он даже не заметил.

Хруст веток под ногами показался мне звуком моих же ломающихся костей. Я перестала понимать, где верх, а где низ — он тащил меня сквозь густой подлесок, сжимая запястье так, что пальцы онемели и превратились в пять бесполезных отростков. Ветки хлестали по лицу, царапали щеки, цеплялись за волосы, выдирая пряди, но боль была где-то далеко, приглушённая ужасом.

Спротивляться? Я пыталась.

Вцепилась ногтями в его руку — он даже не вздрогнул. Попыталась ударить локтем в солнечное сплетение — промахнулась, попала по рёбрам, но он даже не покачнулся.

Только дернул сильнее, от чего я споткнулась о корень и полетела бы лицом в грязь, если бы он не удержал меня на весу, дёрнув вверх, как тряпичную куклу.

— Ругаешься много, — процедил он сквозь зубы, даже не обернувшись. Голос низкий, ровный, без эмоций. — Язык надо занять делом, чтоб не болтал попусту.

Он резко остановился на маленькой поляне, спрятанной от посторонних глаз разлапистыми елями. Лунный свет пробивался сквозь кроны, рисуя на земле причудливые тени. На секунду мне показалось, что сейчас он просто ударит, и это будет самым быстрым исходом. Я даже сжалась внутренне, готовясь к боли. Но он развернул меня к себе лицом, и я увидела в его глазах не просто злость. Там было что-то другое — тягучее, вязкое, опасное. Азарт охотника.

Он смотрел на меня, как кот на мышь, которую решил не убивать сразу, а сперва помучить, насладиться страхом жертвы.

— На колени, — сказал он тихо. Очень тихо. Но этот тихий голос прозвучал громче любого крика, проникая под кожу, в самую сердцевину.

Я не шевельнулась. Стояла, вцепившись взглядом в его глаза, чувствуя, как дрожат колени, как предательски немеют пальцы. Он усмехнулся. Положил мне ладонь на плечо — тяжёлую, горячую, властную — и просто надавил. Ноги подкосились, и я рухнула в холодный мох. Колено пронзила острая, режущая боль от камня, впившегося в кожу. Я стиснула зубы так, что челюсть свело, но не застонала. Не доставлю ему этого удовольствия.

Он стоял надо мной, возвышаясь, как тёмная статуя, загораживая луну. Медленно, смакуя момент, расстегнул ремень. Металлическая пряжка звякнула в тишине, и этот звук отозвался холодной волной где-то внизу живота. Не возбуждением — ужасом. Древним, животным, от которого немеют мышцы и пересыхает во рту. Он вытянул ремень из шлевок джинсов, не спеша, будто дразня. Сложил его вдвое, похлопал по своей ладони, глядя на меня сверху вниз с кривой, мерзкой усмешкой.

— Будешь сосать, мелкая, — сказал он, растягивая слова.
— Быстро и без фокусов. Считаю, расплата.

Внутри меня что-то оборвалось. Страх ушел — резко, как обрезало. Уступил место той самой ледяной, вязкой ненависти, которая кипит без криков, без истерик. Она поднялась откуда-то из самого нутра, выжигая всё на своём пути. Я под-

няла на него глаза — медленно, не мигая — и четко, разделяя каждое слово, выплюнула:

— Хрен тебе, а не сосать. Откушу член — и выплуну. Понял, урод?

Усмешка с его лица исчезла. Растворилась, будто её и не было. Секунду он просто смотрел на меня, переваривая услышанное, а потом его рука метнулась к моему лицу с такой скоростью, что я даже не успела моргнуть. Пальцы — жесткие, сильные — впились в щеки, сдавив их так, что губы сложились в рыбе «о», а зубы больно вжались в десны. Он притянул моё лицо к себе, заставляя смотреть в глаза.

— Только посмей укусить, — прошипел он, наклоняясь так близко, что я чувствовала запах сигарет, виски и мятной жвачки. — Станет хуже. Намного хуже. Твоей рыжей подружке, например...

— Ублюдок! — промычала я сквозь сжатые пальцы, пытаясь вывернуть голову, но он держал мёртвой хваткой.

Он хрипло рассмеялся — низко, довольно, явно наслаждаясь моей беспомощностью.

— Нет, детка. Я не ублюдок. Я всего лишь восстанавливаю

иерархию. А ты сейчас примерно на уровне моего ботинка. Так что выбирай: или ты делаешь, что велят, или я иду искать твою рыжую подружку. И с ней разговор будет короче.

— Подлец, — прошипела я, когда он чуть ослабил хватку, давая возможность говорить.

— Ещё одно слово — и сосать будешь уже у всего гаражного кооператива, — его глаза сверкнули сталью в лунном свете. Он говорил это так обыденно, как обсуждают погоду или планы на выходные, и от этой обыденности мне стало по-настоящему страшно. — Спорим, будешь? Думаешь, твой гонор тебя спасёт?

— Я не буду сосать! — выкрикнула я, срывая голос. — Никому! Никогда! Сдохну, но не буду!

Он выпрямился, отпуская моё лицо, и я шумно втянула воздух ртом, чувствуя, как саднит кожу там, где он вминал пальцы. Он снова усмехнулся, но теперь в этой усмешке читалась не насмешка — угроза. Чистая, неприкрытая угроза хищника, который знает, что жертва никуда не денется.

— Будешь, — сказал он спокойно. — Ни на что другое ты всё равно не годишься. Твой язык годен только для того, чтобы попусту нести чушь, ну и для минета, видимо, сойдет.

Давай, докажи, что ты хоть на что-то способна.

Злость захлестнула меня с головой, вытесняя страх. Я с трудом поднялась на ватные, дрожащие ноги, потирая ушибленную коленку.

— А ты, значит, на многое способен? — прошипела я, глядя ему прямо в глаза, не отводя взгляда. — Судя по тому, как быстро ты схватился за ширинку вместо того, чтобы мозг включить, у тебя все мыслительные процессы в штанах происходят. Видать, член у тебя вперед ума выпрыгивает. Поздравляю, ты эволюционировал до уровня примата. Скоро бананы начнёшь жрать с деревьев.

В ту же секунду его рука взметнулась для удара — я даже зажмурилась внутренне, готовясь к боли. Но удар замер в сантиметре от моей скулы. Вместо этого он перехватил мой подбородок, снова сжимая его до хруста.

— Ах ты сука, — выдохнул он почти с восхищением. — Ну, тварь, ты сама напросилась. Теперь я тебя точно сломаю. Просто так, для удовольствия.

Я смотрела на него не моргая. Внутри всё дрожало, колотилось, кричало от ужаса, но я знала одно: если сейчас я отведу взгляд — я пропала. Если заплачу — он победил.

— Демон! Ты где?! — проорал чей-то пьяный голос где-то совсем рядом, за стеной кустов. — Демон, бля, ты тут? Выходи, там телка ищет!

Ветки затрещали. Кто-то ломился напрямик, матерясь и спотыкаясь о корни.

— Блядь, — выдохнул он, глядя на меня сверху вниз. В его глазах мелькнуло что-то похожее на досаду — будто ему испортили развлечение с любимой игрушкой, не дав досыта наиграться.

Он отпустил мой подбородок, и я отшатнулась, вжимаясь спиной в шершавый ствол сосны.

— Мы не закончили, дрянь, — процедил он, заправляя ремень обратно в шлевки одним быстрым, отработанным движением. — Позже продолжим. Ты от меня не убежишь.

Он развернулся и шагнул в сторону голосов, но на полпути остановился, бросив через плечо:

— Дернешься — найду. И подругу твою найду.

Я не ответила. Смотрела, как его спина исчезает в вет-

вах, как затихают шаги, смешиваясь с пьяным гомоном где-то у костра. Только когда лес снова накрыла тишина — звенящая, давящая, — я позволила себе выдохнуть. Руки тряслись. Колено саднило. В голове пульсировала одна мысль, отбивая ритм с сердцем: «Позже продолжим... позже продолжим... позже...» Значит, будет позже.

Я глубоко вздохнула, вытерла лицо тыльной стороной ладони и сделала первый шаг в сторону, противоположную той, откуда пришли голоса. Ветки хлестали по лицу, я спотыкалась о корни, проваливалась в ямы, но шла. Я закусил губу, пытаюсь унять дрожь во всём теле. Голос Демида с кем-то стих где-то в стороне парковки. Сначала я слышала его низкий, рокочущий смех, потом звуки удалились, растворились в общем гуле поляны. И только тогда я решилась выйти из леса.

Выдохнула. Шагнула из темноты. Обогнула поляну по краю, стараясь держаться в тени, подальше от света костра. Прощмыгнула мимо палаток, стараясь не смотреть на людей, не ловить чужие взгляды. Сердце колотилось где-то в горле, каждый звук заставлял вздрагивать — смех, треск веток, даже музыка, гремевшая из колонок, казалась оглушительной, давящей на уши. И наконец увидела знакомый силуэт у костра.

Лерка сидела на бревне, ссутулившись, нервно крутила в руках стакан с чем-то тёмным, не пила, только вертела, глядя на огонь. Но взгляд её был рассеянным — она явно кого-то высматривала в толпе, то и дело оборачивалась, вглядываясь в темноту. Увидев меня, она подскочила, расплескав половину стакана, и рванула навстречу. Кроссовки скользили по влажной траве, но она не замечала.

— Анька! — её голос сорвался на визг. — Ты где была? Я уже обыскалась! Двадцать минут тебя нет, я думала... я не знаю, что я думала!

Она схватила меня за руки и тут же замерла, вглядываясь в лицо. Её пальцы вцепились в мои запястья — холодные, напряжённые. В глазах метнулся страх.

— Ты чего такая? — выдохнула она, разглядывая меня. — Ты белая как мел. И дрожишь вся. Что случилось?

Я мотнула головой, пытаюсь унять дрожь в голосе. Горло сдавило спазмом, пришлось сглотнуть, чтобы выдавить слова.

— Да так... этот придурок подошёл.

— Какой придурок? — Лерка напряглась, вцепилась в ме-

ня мёртвой хваткой. Но через секунду до неё дошло. Глаза расширились, зрачки сузились. — Молохов? Опять? Ань, чего хотел от тебя? Ничего не сделал?

Я сглотнула. Сказать вслух — значит признать, что это было на самом деле. Что это не страшный сон, не галлюцинация, а реальность. Моя реальность. Но Лерке я доверяла. Больше, чем кому-либо.

— Нет, — голос хриплый, чужой, будто не мой. — Не успел. Но пытался.

Лерка побелела. Прямо на глазах — кровь отхлынула от лица, оставляя бледность, от которой в свете костра кожа казалась почти прозрачной. Она вцепилась мне в предплечье так, что ногти впились в кожу даже сквозь рукав. Наверное, завтра будут синяки.

— Что? — выдохнула она одними губами. — Изнашивать?

Я покачала головой. Горло перехватило, дышать стало трудно, но я выдавила, чувствуя, как слова раздирают горло:

— Не хуже. Сосать пытался заставить.

На секунду Лерка просто замерла. Смотрела на меня, и в её глазах мелькало что-то — от шока до полного неверия, от ужаса до непонимания. Она будто пыталась обработать информацию, но мозг отказывался принимать. А потом её лицо исказилось. Гнев — горячий, мгновенный — вспыхнул в глазах ярче костра, исказил черты.

— Охереть, — выдохнула она. Голос низкий, злой. — Охереть, отморозок конченный! Да он вообще с катушек слетел?

Я кивнула, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы. Жгучие, предательские, от которых защипало в носу. Я моргнула, прогоняя их, но одна всё же выскользнула и покатилась по щеке. Я стёрла её тыльной стороной ладони — быстро, зло, чтобы Лерка не заметила. Но плакать здесь, при всех, у костра, где полно людей, — нельзя. Нельзя показывать слабость. Особенно теперь.

— Лер, — прошептала я, чувствуя, как голос срывается, — он сказал, что если я дернусь — найдет тебя.

Лерка дёрнулась, будто её ударили. Злость в её глазах вспыхнула с новой силой, вытесняя страх.

— Пусть только попробует, — процедила она сквозь зубы,

чекания каждое слово. — Я ему сама яйца оторву. Голыми руками. Вдвоем с тобой.

Она обняла меня — резко, крепко, прижимая к себе, и я наконец позволила себе выдохнуть. Уткнулась лицом в её плечо, вдохнула знакомый запах её духов, смешанный с дымом костра. Рядом с ней было не так страшно. Руки перестали трястись, дыхание выровнялось.

— Ань, — Лерка отстранилась, заглядывая в глаза, — что делать будем? В полицию? К декану? К ректору?

— К кому? — горько усмехнулась я, вытирая щёки. — Ты сама говорила — ему всё можно. Деньги, связи, папа-магнат. Захотят — закроют дело через час. А меня же ещё и винуватой выставят.

— Тогда что?

Я посмотрела в сторону леса, туда, где скрылся Демида. Там уже было темно, только фонарики на палатках мерцали где-то вдалеке. Внутри всё ещё тряслось, колотилось, ныло, но злость — холодная, расчётливая — уже перевешивала страх.

— Ничего, — ответила я тихо. — Пока ничего. Просто

будем на виду. А если он ещё раз подойдёт... я его покалечу. Честное слово, Лер, покалечу. Нож у меня с собой, не зря тащила. Лерка сжала мою руку. Крепко, до боли.

— Я с тобой. Что бы ни случилось — я с тобой. Если что — бьём вместе.

Я кивнула, вытерла щёки тыльной стороной ладони, провела рукой по волосам, убирая с лица спутанные пряди. Оглянулась на костёр. Там всё так же гремела музыка — ба-сы долбили по ушам, кто-то смеялся, кто-то танцевал, обнимались парочки в темноте. Жизнь продолжалась. Для них — обычная ночь, вечеринка, знакомства. Для меня — точка невозврата.

— Пошли, — сказала я, выпрямляясь. — Не будем доставлять ему удовольствия видеть, что я сломалась. Пусть знает — меня голыми руками не возьмёшь.

— Вот это правильно, — кивнула Лерка. Глаза её горели решимостью.

Мы вернулись к костру. Лерка сунула мне в руку полный стакан, и я сделала большой глоток, чувствуя, как обжигающее тепло растекается внутри, прожигает страх, оставляет место злости. Ночь только начиналась. И я была готова.

Глава 6. Демон.

— Гор, какого хрена звал? Ты мне всю малину обломал.

Я вышел из кустов, злой как черт. Ветки хлестали по лицу, но я даже не замечал — всё внутри кипело, бурлило, требовало выхода. Ширинку застегнул на ходу, ремень заправлял в шлевки, пальцы дрожали от злости. Мысленно всё ещё там, на той поляне, где эта мелкая дрянь стояла передо мной на коленях. Стояла. Реально стояла. Мох под ногами, её лицо в лунном свете, эти глаза — бешеные, волчьи, но она стояла. Ещё секунда — и она бы сделала всё, что я скажу. Я видел этот момент, чувствовал его кожей. Ещё чуть-чуть — и я бы сломал её. И тут этот придурок со своим голосом.

Я вышел на тропинку, где меня ждали, и с размаху пнул попавшийся под ноги камень. Тот улетел в темноту, глухо стукнулся о дерево. Гор стоял, прислонившись к сосне, в руках бутылка вискаря — наполовину пустая, этикетка отклеилась. Рядом Арс курил, облокотившись о ствол, и в темноте его сигарета мерцала красным огоньком, выхватывая из мрака спокойное, непроницаемое лицо.

Оба уставились на меня. Гор — с кривой, понимающей усмешкой, Арс — с обычным своим ледяным интересом.

— О-о-о, — протянул Гор, и в его голосе плескалось то пьяное, раздолбайское веселье, за которое мы его и держали в компании. — Кого-то зажимал? Слышали мы, брат, как ты там командовал.

— Не кого-то, — сплюнул я под ноги. Густая слюна упала на прелые листья. — Мелкую дрянь, у которой язык как бритва.

— Ни хрена себе, — Арс даже бровь приподнял — для него это было высшим проявлением эмоций. — И чё? Добился?

— А ни чё, — рявкнул я, выхватив у Гора бутылку. Сделал большой глоток, обжигая горло. Виски покатился внутрь горячим комком, но злость не утихала — только разгоралась сильнее.

— Обломал ты меня, Гор. На коленях уже стояла. Ещё минута — и она бы рот открыла. Сама. Без вариантов.

Гор присвистнул, но в глазах мелькнуло что-то похожее на уважение пополам с беспокойством.

— Слушай, Дем, — он шагнул ближе, забрал у меня бу-

тылку, сделал глоток сам, — ты с ней не жестко? А то мало ли... проблемы могут быть. Бабы нынче нервные пошли, в полицию бегают.

— Ни хрена я с ней не сделал, — перебил я, чувствуя, как желваки ходят под кожей. — Пока. Она фак мне показала. При людях. Пощёчину влепила, сука. Ты представляешь? Мне — пощёчину. В моём универе. При вас.

Арс хмыкнул, выпустил дым в темноту.

— Да...Красиво так влепила, со звоном. Я даже зауважал.

— Завали, — бросил я, но без злости. С Арсом и Гором мы на равных, они единственные, кто могут себе позволить такие шутки. Друзья. С горшка в рублевском детском саду

Я снова приложился к бутылке. Виски обжигал горло, проваливался в желудок, разливаясь теплом, но внутри всё равно было холодно. Перед глазами стояло её лицо. Наглая, дерзкая, с этим взглядом — будто я никто, будто она может со мной так обращаться, будто для неё я просто пустое место. Никто и никогда так на меня не смотрел.

— Дрянь, — процедил я сквозь зубы. — Таким сразу надо показывать, где их место. На коленях. У ног. Арс докурил,

затоптал бычок носком дорогого ботинка и хлопнул меня по плечу. Спокойно, уверенно, по-дружески.

— Слушай, Дем, пойдём к костру. Вон там наши девки трутся. Есть и новенькие, свеженькие. Сделают всё по высшему разряду, и забудешь про эту психованную. Сбросишь напряжение.

Я промолчал. Смотрел в темноту, туда, где мелькали огни костра, слышалась музыка, пьяный смех, визг девчонок. Обычная ночь. Обычные люди. Обычное веселье. Гор подошёл с другой стороны, сунул мне в руку бутылку.

— Дем, брат, ну правда. Забей. Ты себя со стороны не видел — как цепной пёс на привязи. Из-за какой-то первокурсницы?

— Настроения нет, — бросил наконец, чувствуя, как внутри всё клокочет.

— Ни хрена себе, — Гор присвистнул и переглянулся с Арсом. — У тебя настроения нет? Демон без настроения? Это чё, конец света? Апокалипсис?

— Из-за этой падлы, — рывкнул я и, не сдерживаясь больше, швырнул бутылку в кусты. Стекло жалобно звякнуло,

разлетаясь осколками, брызги виски долетели до лица. — Она меня бесит. Просто бесит.

Парни замолчали. Гор хлопнул меня по плечу, Арс просто стоял рядом, закуривая новую. Они знали, когда нужно говорить, а когда просто быть рядом. За это я им был благодарен.

Я сел на тухлявый пенёк, упёрся локтями в колени и уставился в одну точку перед собой. В темноту, где между стволами мелькали огни костра. В голове крутилось одно: как её на колени поставить так, чтоб навсегда забыла, как вякать? Чтоб боялась рот открыть без моего разрешения. Чтоб при одном моём виде поджимала хвост и делала, что скажу. Чтоб этот волчий взгляд погас навсегда. Сука.

Я сжал кулаки так, что кости хрустнули. Вспомнил, как она стояла передо мной на мху, освещённая луной. Колени в грязи, руки дрожат, но глаза... глаза горят. Губы трясутся, но взгляд — волчий. Не сдаётся. Даже когда я за щёки сжал так, даже когда про подругу сказал, даже когда ремнём пригрозил — не сдалась. Таких не было. Никогда.

— Дем, — голос Арса выдернул из мыслей. Он стоял рядом, дым от сигареты тянулся к небу. — Забей. Найдётся баба, которая нормально отсосёт, без выебонов. Их тут как

грязи, сам знаешь.

— Не в этом дело, — отрезал я, не глядя на него.

— А в чём?

Я поднял на него глаза. Арс стоял, спокойный, холодный, как всегда. В темноте его лицо казалось высеченным из камня. Гор присел рядом на корточки, смотрел на меня снизу вверх, ждал.

— В том, что она не боится, — сказал я тихо. Очень тихо. И от этой тишины даже Арс чуть напрягся. — Понимаете? Ей похер, кто я. Ей похер, что у меня деньги, связи, что я могу её уничтожить одним словом. Она не прогнулась. Ни на миллиметр. А таких надо ломать. Иначе они распоясываются и начинают кусаться.

Гор хмыкнул, почесал затылок.

— Ну, знаешь... может, это и интересно? Обычные-то ложатся сразу, скучно. А тут зверёк дикий.

— Вот именно что дикий, — перебил Арс. — Такого либо приручать, либо валить. Третьего не дано.

Я посмотрел на него. В темноте его глаза блестели холодно и расчётливо.

— И что предлагаешь? — спросил я. — Пока ничего, — пожал плечами Арс. — Присмотреться. Она с подругой, рыжая такая, вертлявая. Вместе тусуются, вместе ходят. Если через неё зайти...

— Через подругу? — Гор поднялся, отряхнул джинсы. — Ты про что?

— Про намек, — ответил я вместо Арса. — Никто никого трогать не будет. Просто скажу пару ласковых. Если мелкая не хочет по-хорошему, будет по-плохому. Узнает цену своему гонору.

Гор посмотрел на Арса, тот — на меня. Потом оба кивнули.

— Ну смотри, — сказал Гор. — Ты старший, тебе решать. Но если что — мы рядом.

— Знаю, — кивнул я. Я снова уставился в темноту. В голове прокручивался план. Медленно, тщательно, как я любил. Завтра. Или послезавтра. Но она своё получит.

Эта мелкая дрянь узнает, кто тут главный, а кто — пустое место. Я заставлю её ползать передо мной на коленях. Саму. Без принуждения, без угроз. Просто потому, что у неё не останется выбора. И тогда я посмотрю в её глаза. И увижу в них то, что должен был увидеть сегодня. Страх.

— Ладно, — я резко встал, отряхивая джинсы. — Пошли к костру. Посмотрим, что там за девки.

— О, — Гор оживился, обрадованный сменой темы, — вот это наш Демон! Сейчас оторвёмся по полной!

— Погнали, — Арс выкинул окурок, раздавил носком ботинка. Я вышел к костру. Поляна гудела, как растревоженный улей. Огонь взметался в чёрное небо, выплёвывая снопы искр, и в его оранжевом, пляшущем свете лица людей казались чужими, почти демоническими. Гремела музыка — дешёвая попса из чьей-то колонки, басы долбили по земле, отдаваясь в груди глухим гулом. Кто-то танцевал, кривляясь в свете костра, кто-то жрал шашлык, чавкая и обливаясь жиром, кто-то уже валялся в отключке у палаток, раскинув руки. Пахло дымом, жареным мясом, дешёвым алкоголем и потом. Обычная пьянь. Обычное быдло.

Я скользнул по ним взглядом, даже не задерживаясь — мелькнули и пропали, как пустое место. Не интересно. Я сде-

лал шаг вперёд, обходя чью-то растяжку, и тут меня будто током ударило. Сука. Она сидела у костра на толстом бревне, рядом с той своей рыжей. Ноги скрестила, в руке стакан с чем-то тёмным, локти на коленях. Волосы растрепались после леса, выбились из пучка и падали на плечи. Майка на плече порвана — моя работа, когда тащил через кусты, ткань разошлась, открывая край тёмного бюстгалтера. Она даже не прикрыла. Сидит так, будто так и надо, будто это часть образа.

И она... Сидела и смеялась. Я замер. Остановился посреди поляны, пропуская мимо себя гул толпы. Смотрел и не верил своим глазам. Она смеялась. Блять, она реально сидела и ржала над чем-то, что ей там рыжая рассказывала. Запрокинула голову, открывая шею — ту самую, где ещё, наверное, краснеют следы моих пальцев. И ржёт, сука, заливается, как будто ничего не случилось. Как будто пятнадцать минут назад не стояла передо мной на коленях в мокром мху. Как будто я её не трогал, не сжимал её лицо, не видел этот волчий взгляд снизу вверх. Как будто я — пустое место.

— Дем, ты чё застыл? — Гор толкнул меня в плечо, но я даже не пошевелился. Стоял как вкопанный, смотрел на неё сквозь дым костра. Она что-то сказала рыжей, та хлопнула её по плечу, и они снова засмеялись. Обе. Довольные, расслабленные, тёплые у огня. Рыжая подлила ей что-то в ста-

кан, она кивнула, сделала глоток. А эта мелкая — особенно. Сияет, блять, как начищенный пятак. Уголки губ дрожат от смеха, глаза блестят в отблесках пламени. У меня кулаки сжались сами. До хруста. До боли в костяшках, до белых костяшек, до дрожи в пальцах.

— Дем... — начал Гор, проследив за моим взглядом. В его голосе проскользнуло что-то — то ли беспокойство, то ли любопытство.

В этот момент она, будто почувствовав, обернулась. Наши глаза встретились. Через костёр, через пляшущее пламя, через дым, выющийся к небу, через всю эту пьяную толпу, которая ничего не замечала. Я смотрел на неё, и внутри всё сжалось в тугой, холодный узел. Я ждал страха. Ждал, что она отведёт взгляд первой, сожмётся, спрячется за подругу. Ждал, что вспомнит, как я держал её за горло, как её колени утонули во мху, как она смотрела на меня снизу вверх. Ждал, что в её глазах мелькнёт хоть что-то — ужас, унижение, слабость. А она... Сука блять. Она усмехнулась. Криво. Медленно. Нагло, как пощёчина. Одними уголками губ, но я увидел. И в глазах — ни капли страха. Ни капли. Одна только насмешка, холодная и твёрдая, как лёд. Будто я — клоун, который только что отжигал для неё представление в лесу, а теперь вышел на бис. Будто она смотрит на меня и думает: «Ну и что ты сделаешь?»

Я рванул вперёд. Сам не заметил, как ноги понесли. В голове — красная пелена и одно желание: стереть эту усмешку с её наглой морды. Схватить за волосы, уронить лицом в грязь, заставить вспомнить, кто я. Заставить бояться.

— Дем. — Рука Арса легла мне на плечо. Жёстко. Весомо. Остановила на полпути. — Остынь.

Я дёрнулся, пытаюсь сбросить, но он держал крепко. Арс вообще если вцепится — хрен вырвешься. Спокойный, холодный, как лёд. И голос такой же — ровный, без эмоций, но от него почему-то всегда пробирает до костей.

Он стоял рядом, чуть позади, и в его глазах не было ни страха, ни злости — только лёгкое любопытство.

— Остынь, — повторил он, чуть сжав пальцы. — Люди смотрят.

Я выдохнул сквозь зубы, шумно, зло, но не отвернулся. Смотрел на неё. Она уже отвернулась, допивала свой стакан, делала вид, что меня нет. Рыжая что-то зашептала ей на ухо, склонившись близко, но та только плечами пожала — мол, всё в порядке, не парься.

— Ты её что, не видел? — прошипел я Арсу, не оборачиваясь. Голос хриплый, чужой. — Ты видел, сука, как она на меня смотрит?

— Видел, — спокойно ответил Арс. — И что?

— Что?! — я всё-таки развернулся к нему. В глаза бросилось его невозмутимое лицо, и это бесило ещё сильнее. — Ты охренел? Она смеётся! После того, что было!

— А что было? — Арс приподнял бровь, выпуская дым в тёмное небо. Дым смешался с паром от костра, поплыл вверх, тая в темноте. — Ты её поугал в лесу. Она не обоссалась. Бывает. Не ты первый, не ты последний.

— Не обоссалась? — я чуть не задохнулся от злости. Воздух застрял в горле. — Ты не понял, да? Она фак мне показала. При всех. Пощёчину дала. А сейчас...

— А сейчас сидит и пьёт виски, — перебил Арс. — Имеет полное право. Ты ей ничего не сделал.

— Я бы сделал, если бы вы не припёрлись!

— Вот именно, — кивнул Арс, не повышая голоса. — Не сделал. А раз не сделал — значит, для неё ты пустое место.

Просто звук. Она победила. В её глазах — победила.

Я замер. Смотрел на Арса и чувствовал, как внутри закипает что-то чёрное, вязкое, как смола. Победила? Эта мелкая дрянь? Меня?

— Она никто, — процедил я, чеканя каждое слово. — Первокурсница. Дрянь с вонючего психфака. Ни денег, ни связей, ни будущего.

— А ведёт себя как королева бала, — усмехнулся Арс, кивая в её сторону. — И знаешь, что самое херовое? Ей похер. Реально похер. Ты для неё — как комар. Назойливый, противный, но не опасный. Отмахнулась — и забыла.

Я перевёл взгляд на неё. Она сидела, болтала с рыжей,правляла волосы, убирая с лица спутанные пряди. Смеялась чему-то, запрокинув голову. В свете костра её кожа казалась золотистой, глаза блестели. Красивая, сука. Дерзкая. Недоступная. И от этого внутри всё горело огнём.

— Я её сломаю, — сказал я тихо. Очень тихо. Так, что даже Арс чуть наклонился, чтобы расслышать. — Клянусь, Арс. Она будет на коленях. Сама. Добровольно. И будет умолять. При всех.

Арс пожал плечами, затянулся и выдохнул дым в тёмное небо, усыпанное звёздами.

— Ну-ну, — сказал он спокойно. — Посмотрим. Интересно будет глянуть.

Гор подошёл с другой стороны, хлопнул меня по спине.

— Дем, брат, ты главное не срывайся при всех. А так... мы с тобой. Если надо будет — подстрахуем.

Я кивнул, не глядя на них. Смотрел на неё. Она снова что-то сказала рыжей, та засмеялась, и эта мелкая тоже. Спокойные. Расслабленные. Как будто я — не угроза, не опасность, а так... назойливая муха. Я усмехнулся. Криво, зло. Ничего. Посмотрим, как ты запоешь, когда поймёшь, что я не отстану. Что я — не комар. Что я — тот, кто ломает таких, как ты. До конца.

Глава 7. Лариса

— Пойдём уже, — Гор мотнул головой в сторону, где у самого края поляны, под раскидистой сосной, расположилась компания девчонок. — Вон Лариса с девками сидят. Скучают без нас.

Я перевёл взгляд. Лариса. Ну да. Второй курс, кажется. Или третий? Неважно. Длинноногая блондинка с грудью третьего размера и глазами, которые умеют делать только одно выражение — "хочу член". Прямо сейчас она сидела на расстеленном пледе, потягивала что-то из стакана и стреляла глазами по сторонам, явно высматривая, кого бы сегодня затащить в палатку. Вокруг неё ещё пара таких же — девочки из её стайки. Все при параде, даже в лесу умудрились накраситься так, будто собирались в ночной клуб. Элитный клуб внутри универа. Так они себя называют. Дочки миллионеров, которым повезло с деньгами и внешкой. Трахаются так же на уровне — без обязательств, без заморочек, чисто по делу. Идеальный вариант, когда нужно сбросить напряжение и не париться.

Я выдохнул, проводил взглядом ту мелкую дрянь у костра. Она всё так же сидела на бревне, болтала с рыжей, поправляла волосы. Даже не обернулась, сука. Ноль внимания.

Будто меня вообще не существует. Внутри кольнуло. Злость, смешанная с чем-то ещё — непонятным, липким, от чего хотелось подойти и встряхнуть её, заставить смотреть на себя.

— Дем? — Гор тронул за плечо. — Ты с нами?

Я мотнул головой, прогоняя наваждение, и кивнул.

— Пошли.

Мы двинулись к ним. Под ногами хрустели ветки, пахло дымом и жареным мясом, где-то рядом ржала компания первокурсников. Обычная ночь. Обычная тусовка. Обычные люди.

Лариса увидела меня метров за десять. И лицо её засветилось, как ёлочная игрушка — глуповато-радостно, предвкушающе. Она тут же поправила волосы, одёрнула топ, открывая ещё больше декольте.

— М-м-м, Демид...

Она встала с пледа плавно, с кошачьей грацией, которую явно отработывала перед зеркалом. Подошла вплотную — так, что я почувствовал жар её тела и запах дорогих духов, сладких, приторных, как сироп. Прижалась грудью, провела

рукой по моей груди, задержалась на ключице.

— Ты напряжён, — мурлыкнула она, глядя снизу вверх своими кукольными глазами.

— Чертовски, — ответил я коротко.

Даже не пытался изображать вежливость или интерес. Она знала, зачем я здесь. Я знал, зачем она. Лишние разговоры ни к чему.

Она улыбнулась — медленно, с прищуром, облизнула губы. Знала, что делает. Знала, что я возьму её сегодня. И кайфовала от этого.

— Покажешь... свою палатку? — спросила она вкрадчиво, чуть наклонив голову. Я усмехнулся. Вот так прямо. Никаких там "как дела", "поговорим", "потанцуем". Сразу к делу. За это я и любил таких, как она. Никакой лишней хуйни. Всё честно, всё прозрачно.

— Пошли. Я взял её за руку — тонкое запястье, нежная кожа, дорогой браслет. Свободной рукой выбросил стаканчик с виски, который мне сунули по дороге, и потащил за собой.

Лариса засмеялась — довольно, предвкушая, чуть нервно. За спиной свистнул Гор, но я даже не обернулся. Мы шли между палатками. Вокруг гудела ночь — где-то играла музыка, кто-то орал песни пьяным голосом, парочка тискалась прямо на траве, не стесняясь никого. Луна пробивалась сквозь кроны сосен, рисуя на земле причудливые тени. Где-то вдалеке слышался смех, звон стаканов, мат — обычный шум обычной вечеринки. Но это всё было фоном. Я тащил её к своей палатке, которую перваки поставили мне ещё днём, подальше от основной массы, у самого леса. Чтобы никто не мешал. Чтобы никто не слышал.

— Дем, — Лариса пошла рядом, вцепившись в мою руку, как в спасательный круг. — Ты сегодня злой какой-то. Кто тебя так?

— Не твоё дело, — бросил я, не глядя. Смотрел прямо перед собой, на темнеющие впереди палатки.

— Ну и ладно, — она пожала плечами, но улыбка не сползла с её лица. — Я сделаю так, что ты забудешь. Обещаю.

Я промолчал. Просто толкнул полог палатки и залез внутрь. Лариса за мной. В палатке темно — хоть глаз выколи. Только слабый свет с поляны пробивается сквозь тонкую ткань, рисуя на стенах дрожащие тени. Пахнет синтетикой,

сырой землёй и нашими вещами. Спальник расстелен, вещи свалены в углу — рюкзаки, куртки, пустые бутылки. Лариса огляделась, усмехнулась.

— Скромно. Прямо по-спартански.

— Заткнись, — сказал я, стягивая куртку и бросая её в угол. Она поняла. Шутки кончились. Улыбка сползла, сменилась выражением готовности — покорным и одновременно жадным.

Я сел на спальник, упёрся спиной в рюкзак. Лариса стояла надо мной в полумраке, и свет снаружи выхватывал её силуэт — длинные ноги, узкая талия, грудь, которая так и просилась наружу из этого дурацкого топа. Она ждала. Замерла в напряжении. Я смотрел на неё долго. Очень долго. Разглядывал, как товар. Она не дёргалась, не спрашивала — только сглатывала и чуть заметно облизывала губы.

— Раздевайся, — сказал я наконец. Не попросил. Приказал. Она улыбнулась — довольно, медленно потянула лямку топа. Ткань скользнула вниз, открывая грудь. Красивая. Ухоженная. Идеальная. Такие обычно на обложках глянца — всё при ней, всё на месте. Ни одной лишней складочки.

— Нравится? — спросила она, проводя руками по себе,

демонстрируя товар лицом.

— Работай ртом, — ответил я, откидывая голову и закрывая глаза. Она хмыкнула — то ли обиженно, то ли довольнo — но послушно опустилаcь на колени. Расстегнула мои джинсы, и я почувствовал, как её прохладные пальцы коснулись кожи. А потом — её губы. Влажные, горячие, умелые. Сука.

Я выдохнул сквозь зубы, чувствуя, как напряжение начинает отпускать. Она умела. Охренеть как умела. Язык работал как поршень — глубоко, ритмично, без дурацких игр в недотрогу. Она знала, что мне нравится, и делала именно так. Никакой самодеятельности, никаких экспериментов. Чётко, по делу, профессионально. Я запустил руку ей в волосы, сжал, направляя. Она даже не пискнула. Только замычала довольно, принимая глубже, прогибаясь в спине.

— Хорошая девочка, — выдохнул я, чуть расслабляясь. — Давай. Ещё.

Она старалась. Прямо реально старалась. Сосала как последняя сучка — громко, с о звуками, без тени стеснения. Глаза блестели в темноте, она смотрела на меня снизу вверх и, кажется, реально кайфовала от этого. От того, что она на коленях. От того, что я держу её за волосы. От того, что она

— моя на эту ночь.

Я откинул голову, сжал её волосы сильнее, проталкиваясь ей в глотку глубже. В горле застрял рык. И тут — мысль. Как удар током. А та, мелкая, тоже так умеет? Или только вякать да глазами сверкать? Мысль бесила. Взбесила мгновенно, сжигая всё расслабление. Я открыл глаза, посмотрел на Ларису. Красивая. Покладистая. Правильная. Всё при ней. Но почему-то перед глазами стояла совсем другая морда. Дерзкая. С усмешкой. Которая сидела у костра и смеялась. Как будто я — комар, которого отогнали и забыли. Сука. Злость плеснула через край.

— Перевернись, — скомандовал я, убирая руки от её головы. Лариса послушно легла на спину, раскинула ноги, глядя на меня снизу вверх с этим своим масляным взглядом. Грудь вздымается часто-часто, губы припухшие, влажные, блестят в полумраке. Картинка. Глянцевая. Идеальная. Порнозвезда, блять.

Я навис сверху, упёрся коленом между её ног, скользнул рукой по внутренней стороне бедра. Кожа нежная, горячая, чуть влажная от возбуждения. Она выдохнула, подаваясь навстречу, выгибаясь.

— Дем... ну давай уже... я хочу...

— Я сам решу, когда взять, — процедил я, сжимая её бед-
ро так, что пальцы впились в кожу. — Лежи смирно.

Она закусила губу, затихла. Глаза горят в темноте, но спорить не пытается. Умная девочка. Знает, что со мной лучше не спорить. Я вошёл в неё резко. Без предисловий, без нежности, без дурацких игр. Просто трахнул, как всегда трахал таких, как она — по делу, жёстко, с одним намерением: слить напряжение и забыть. Лариса вскрикнула, выгнулась дугой, вцепилась ногтями мне в плечи.

— Ох... Дем... да...

— Громче, — рывкнул я, вбиваясь глубже, до упора. — Хочу, чтоб все слышали, какая ты шлюха.

— Я... а-ах... я твоя, — застонала она, запрокидывая голову. — Только твоя...

Вот это правильно. Знает своё место. Знает, что от неё требуется. Я трахал её жёстко, ритмично, вколачивая в спальник так, что палатка ходуном ходила. Лариса стонала, выгибалась, царапала мне спину, впивалась ногтями в кожу. Хорошо. Кайфово. Тело отличное — горячее, влажное, податливое, как пластилин. Всё как надо. Но в голове — не

она. Перед глазами стояла другая. Та, мелкая, с волчьими глазами, с этой её наглой усмешкой. Интересно, она бы тоже так стонала? Или молчала бы, стиснув зубы, глядя на меня с ненавистью? Сопротивлялась бы? Или тоже раздвинула бы ноги, как все? Мысль бесила.

Я трахал Ларису и представлял, что подо мной — та дрянь. Что она наконец-то заткнулась. Что она наконец-то принимает, как положено. Что в её глазах — не насмешка, не вызов, а покорность. Страх. Желание угодить.

— Дем... — выдохнула Лариса, — жёстче... ну же...

Я усмехнулся. Жёстче? Будет тебе жёстче. Я схватил её за горло. Не сильно — так, слегка сдавил, чувствуя, как пульсирует кровь под пальцами, как бьётся жилка. Контроль. Власть.

Она замерла на секунду, а потом... закатила глаза. Сука. Довольно так, с наслаждением. Выгнулась ещё сильнее, застонала громче, подаваясь бёдрами навстречу.

— Да... Дем... ещё... души...

— Нравится, когда душат? — прорычал я, чуть усиливая хватку.

— А-а-ах... да... нравится... ещё...

— Шлюха, — выдохнул я, но без злости. Просто констатировал факт.

Я ускорился. Вбивался в неё так, что палатка, кажется, сейчас сложится и рухнет. Лариса кричала, царапалась, стояла — в голос, без стеснения, на всю поляну. Пусть слышат. Пусть знают, с кем имеют дело. Пусть эта мелкая дрянь тоже слышит и понимает, что её ждет. В какой-то момент я сжал горло сильнее — так, что она захрипела, но в глазах вспыхнуло только больше удовольствия. Ненормальная. Но мне похер. Главное, что работает. Главное, что напряжение уходит.

— Кончай, — рявкнул я. — Давай.

— Я... а-ах... я уже... о-о-о...

Она забилась подо мной, выкрикивая что-то нечленораздельное, впиваясь ногтями в мои плечи. Я дождался, пока спазмы стихнут, и только тогда кончил сам — глубоко, зло, с рыком, вжимая её в спальник так, что, кажется, кости хрустнули. Несколько секунд просто лежал, тяжело дыша, чувствуя, как пульс замедляется, как отпускает напряжение. Ла-

риса подо мной хрипела, гладила мои плечи, довольно улыбаясь в темноте.

— Охренеть, — выдохнула она наконец. Голос хриплый, довольный. — Ты сегодня зверь. Просто зверь.

Я молча скатился с неё, откинулся на спальник. Смотрел в темноту палатки, на дрожащие тени от костра. Снаружи всё так же гудела вечеринка — музыка, смех, крики. Жизнь продолжалась.

— Дем, — Лариса придвинулась, провела пальцем по моей груди, вырисовывая круги. — Может, ещё? Я могу...

— Спать, — бросил я, отворачиваясь. Она обиженно замолчала. Замерла. Но через минуту прижалась ко мне, обхватила рукой. Тёплая, мягкая, покладистая. Всё как надо. Всё как всегда.

Глава 8. Я тебя сломаю

Я лежал, смотрел в темноту палатки и слушал её дыхание. Лариса сопела где-то под боком, прижималась своим разгорячённым телом, довольно улыбаясь во сне. Тяжёлая, влажная после секса кожа липла к моему боку, волосы щекотали плечо. Уснула, кажется. Быстро. Никаких проблем. Пришла, отработала, отключилась.. Я смотрел в темноту и видел только одно лицо. Оно всплывало перед глазами каждый раз, стоило закрыть веки. Эта усмешка. Этот взгляд — волчий, непокорный, будто я для неё пустое место. Злость копилась где-то в груди, давила, не давала расслабиться. Я аккуратно убрал руку Ларисы со своей груди, отодвинулся.

Она что-то пробормотала во сне, перевернулась на другой бок и затихла, подмяв под себя спальник. Ну и отлично. Я сел, упёрся локтями в колени, потер лицо ладонями. Кожа горела, в висках стучало. Мысли роились, как мухи над падалью, — липкие, навязчивые, злые. Натянул штаны, застегнул ремень. Металлическая пряжка звякнула в тишине, и этот звук показался оглушительным. Накинул куртку прямо на голое тело — кожу обожгло холодом ткани. Вылез из палатки, пригнувшись, и выпрямился уже на воздухе. Ночь ударила в лицо. Лес. Тишина. Только где-то вдалеке всё ещё играет музыка — глухие, приглушённые басы, смешанные с

пьяными голосами.

Костер почти догорел — тлеют угли, иногда вспыхивают искрами, шипят, выбрасывая в темноту последние языки пламени. Вокруг ни души. Все, кто хотел, разбрелись по палаткам. Кто не хотел — догуливают там, у огня, допивают остатки алкоголя и договаривают последние тосты. Воздух холодный, влажный, пахнет дымом, сырой землёй и близкой водой. Где-то ухаёт сова. Лес живёт своей жизнью, не замечая людей.

Я достал сигарету, прикурил, затянулся глубоко, до самых лёгких. Горячий дым обжёг горло, разлился теплом внутри. Выдохнул в тёмное небо, глядя, как серая струйка тает в темноте. И замер. В голове сразу всплыло её лицо. Само. Без спроса. Где она сейчас, эта мелкая дрянь? Сидит у костра, греет руки над углями? Спит в палатке с рыжей, прижавшись к ней спиной? Трахается с каким-нибудь левым хером, который даже имени своего назвать не сможет? От последней мысли внутри дёрнулось что-то неприятное. Резкое. Злое. Я сжал сигарету так, что фильтр хрустнул. Сука. Даже думать о ней бесит. А не думать — не получается.

Я затянулся ещё раз, глубоко, до лёгких, чувствуя, как никотин разгоняет кровь. Оглядел поляну. Парней не видно. Гор и Арс где-то шляются. Наверняка тоже нашли себе баб

и разошлись по палаткам. Или сидят у костра, бухают с кем-то. Или просто спят уже, забив на всё. А я стою. Один. И думаю о той, которая послала меня на хер. Красота.

Я докурил, затоптал бычок носком ботинка, вдавив его в сырую землю. И пошёл в сторону огня. Ноги сами понесли. Не знаю зачем. Может, надеялся увидеть её. Может, хотел проверить — где она, с кем, как, не случилось ли чего. Может, просто не мог сидеть на месте, потому что внутри всё горело и требовало выхода. У костра сидело несколько человек. Какие-то левые рожи с нашего потока — парни и девки, полупьяные, разомлевшие от тепла. Пили, курили, травили шутки, валялись на брёвнах. Увидели меня — притихли на секунду, проводили взглядами, но я даже не посмотрел в их сторону. Они для меня — пустое место. Обвёл взглядом поляну. Палатки — разноцветные холмики в темноте. Люди — тени у костра. Всё не то. Её нет. Я пошёл дальше, между палатками, вглядываясь в лица, в силуэты, в тени. Рыжую не видел. Её — тоже. Как сквозь землю провалились. Растворились в ночи.

— Демон! — окликнул кто-то сзади, пьяный голос, развязный и громкий. — Ты чего бродишь? Иди к нам, тут девки есть!

Я даже не обернулся. Прошёл мимо, свернул к тропин-

ке, ведущей к озеру. Если она не у костра и не в палатках — может, там? Темнота. Густая, плотная, хоть ножом режь. Фонариков ни у кого нет, только луна и звёзды пробиваются сквозь кроны, рисуя на земле причудливые тени. Тропинка петляет между сосен, корни вылезают из земли, норovia подставить подножку. Я шёл быстро, почти бесшумно — ноги сами находили дорогу, тело двигалось на автомате, а мысли были далеко. Вслушивался в ночь. В каждый звук, в каждый шорох. Голоса. Смех. Кажется, женский. Я ускорился. Сердце забилося чаще — не от бега, от предвкушения. Вышел к озеру — и замер. Вода лежала чёрная, гладкая, как зеркало. Луна отражалась в ней дрожащей дорожкой. Где-то плеснула рыба, разбежались круги. Тишина — звенящая, почти осязаемая. На берегу, у самой воды, стояли две фигуры. Одна повыше, рыжая — точно рыжая, даже в темноте видно по этому нелепому пушистому силуэту. Вторая — ниже, в той самой майке, которую я порвал сегодня. Стояли, смотрели на воду, болтали о чём-то вполголоса. Рыжая смеялась — звонко, заливисто, как умеют только дуры. Она — молчала, смотрела в тёмную воду, обхватив себя руками, будто замёрзла. Я спрятался за сосной, вглядываясь. Сердце колотилось где-то в горле. Она стояла ко мне вполоборота. Волосы растрепаны после леса — длинные пряди падают на плечи, закрывают лицо. Майка на плече так и висит разорванная — моя работа, чёртова метка.

Ноги босые — кроссовки, видимо, оставила на берегу, стоит прямо в мокрой траве. Лосины облепили ноги, подчёркивая каждую линию. Красивая, сука. Даже в этой рванине, даже в темноте, даже с этим волчьим взглядом — красивая. Дикая. Недоступная. Самая красивая из всех, кого я здесь видел. Рыжая что-то сказала, тронула её за плечо, кивнула в сторону леса. Та ответила — коротко, явно отмахнулась. Рыжая пожала плечами и пошла обратно к тропинке. Прошла в паре метров от меня, но не заметила — скрылась в темноте, только ветки хрустнули напоследок. Она осталась одна. Стояла у воды, смотрела на луну. Ветер трепал волосы, майка облепила тело, очерчивая грудь, талию, бёдра. Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри поднимается что-то тёмное. Густое. Вязкое. Не просто злость. Не просто желание. Что-то другое. Опасное. То, от чего у нормальных людей внутри всё сжимается. То, что заставляет зверей нападать. Она не оборачивалась. Я сделал шаг из-за дерева. Медленно. Осторожно. Почти бесшумно — нога ступала на мох, на мягкую землю, не выдавая. Но она услышала. Повернула голову, и наши глаза снова встретились. В темноте я не видел её лица. Только силуэт на фоне чёрной воды. Только глаза — они блестели, отражая лунный свет, и в них не было страха. Ни страха. Ни удивления. Только... ожидание? Или вызов?

— Опять ты, — сказала она тихо. Спокойно. Без дрожи в голосе. Будто я — комар, который снова прилетел.

— Опять я, — ответил я, делая шаг к ней. Голос низкий, хриплый. — Думала, спрячешься?

— Не пряталась.

— А чего тогда здесь?

— Дышу, — она повела плечом, поправила волосы. — Ты мешаешь.

Я усмехнулся. Подошёл ближе. Теперь между нами шага три. Вижу её лицо — спокойное, злое, губы сжаты в тонкую линию. Глаза горят — в них не страх, в них бешенство. И это бешенство заводит сильнее, чем любая покорность.

— Ты должна была уже свалить отсюда, — сказал я. — Я же сказал — позже продолжим.

— А я не привыкла делать то, что говорят всякие... демоны, — усмехнулась она. И в этой усмешке — вызов. Чистый, незамутнённый вызов. Удар ниже пояса. Но я сдержался. Пока.

— Смелая, да? — я шагнул ещё ближе. Теперь между нами метр. Вижу каждый миллиметр её лица. — Думаешь, ес-

ли при людях — не трону?

— А ты тронь, — она даже не пошевелилась. — Тронь. Посмотрим, что будет.

Я замер в шаге от неё. Смотрел в эти глаза — дерзкие, непокорные, и чувствовал, как внутри закипает адреналин. Не страх. Не злость даже. Азарт. Чистая, первобытная охота. Она не жертва — она противник. И это пьянит сильнее виски.

— Ты хоть понимаешь, — сказал я тихо, почти ласково, — что со мной так нельзя?

— А мне плевать, как с тобой можно, — отрезала она. — Ты мне никто. Иди трахай свою блондинку, она, кажется, ждёт. Я слышала, как она орала. Впечатляющее выступление.

Я замер. Откуда она знает про Ларису?

— Видела, — усмехнулась она, читая мои мысли. — Как ты её в палатку тащил. Слышала, как она на всю поляну заходила. Ты там ремнём ей угрожал или она просто так визжала, симулировала наверно?

Я сжал кулаки. Сука. Она надо мной смеётся. Стоит бо-
сиком на холодной земле, в рваной майке, и смеётся мне в
лицо.

— Завидуешь? — выдохнул я, наклоняясь ближе. — Хо-
чешь так же?

— С чего бы? — она даже бровью не повела. — Трахаться
с кем попало — не повод для зависти. Это повод для брезг-
ливости.

Я не выдержал. Схватил её за плечи — резко, жёстко, впи-
ваясь пальцами в кожу. Притянул к себе, вжал в своё тело
так, что она ахнула. Чувствую, как напряглась, как дёрну-
лась, но не отшатнулась. Глаза в глаза. Дыхание в дыхание.
Её грудь прижата к моей, и сквозь ткань я чувствую, как
бьётся её сердце — быстро, зло, как у загнанного зверя.

— Ты... — начал я.

— Руки убрал, — перебила она. Тихо. Чётко. Каждое сло-
во — как пощёчина. — Быстро.

— А то что?

— А то, — она улыбнулась, медленно, и от этой улыбки у

меня мурашки пошли по коже, — я заору так, что сюда вся поляна прибежит. И твоей блондинке придётся объяснять, почему ты лапаешь первокурсниц, пока она в палатке дрыхнет. Думаешь, ей понравится?

Я смотрел на неё и не верил. Реально не верил. Она что, совсем страх потеряла? Совсем без тормозов?

— Ты охренела? — выдохнул я. Она вывернулась из моих рук — я даже не ожидал такой резкости. Развернулась и пошла по тропинке. Босиком. Гордо. Не оборачиваясь. Волосы развеваются на ветру, майка болтается на плече. Я смотрел ей вслед. Секунду. Две. А потом внутри что-то щёлкнуло. Сорвалось.

— Стоять, — сказал я негромко. Очень негромко. Но она замерла. Как окликнутая собака — и сама, видимо, охренела от того, что послушалась.

Я подошёл сзади. Медленно. Смакуя каждую секунду. Взял за плечо, разворачивая к себе. Она дёрнулась, попыталась вырваться, но я уже сжал пальцы — жёстко, до боли, до синяков.

— Я не договорил, — процедил я, наклоняясь к её лицу. И в следующую секунду охренел. Она вывернула мою руку.

Без подготовки, без размаха — просто схватила за запястье, рванула в сторону и прижала так, что я на секунду потерял равновесие. Профессионально. Чётко. Больно. А когда поднял глаза — она уже стояла в какой-то стойке. Ноги на ширине плеч, руки согнуты, кулаки сжаты. Глаза горят огнём. И блядь — она серьёзно. Драться готовится. Со мной.

Я замер. Смотрел на неё и не верил.

— Ты совсем без мозгов? — спросил я. Медленно. С холодным охренением. — Ты понимаешь, что я с тобой сделаю?

— А ты охренел трогать! — рявкнула она в ответ. Голос звонкий, злой, режет воздух. — Ещё раз тронешь — я тебе яйца оторву и в глотку засуну! Понял меня, придурок?

У меня челюсть свело от такой наглости. Ну сука. Ну реально безбашенная. Таких не было никогда.

— Ты... — начал я, делая шаг к ней.

И тут она реально попыталась ударить. С вертушки, блядь. Как в дешёвом боевике, только в сто раз быстрее. Нога взметнулась в воздух, целя мне в голову. Красиво, чётко — видно, что умеет, что не первый год занимается. Ветра

рассекла со свистом. Если бы попало — мало не показалось бы. Но я не просто так по жизни двигаюсь. Не первый год в разборках, да и бокс за плечами. Я поймал её ногу. Рукой. Прямо на уровне своего лица. Сжал щиколотку, как тисками — и замер, глядя на неё сверху вниз. Она застыла на одной ноге, пытаюсь удержать равновесие. Глаза расширились — то ли от злости, то ли от неожиданности. А я смотрел на её ногу в своей руке, на то, как майка задралась, открывая полосу живота, на то, как грудь вздымается от частого дыхания, и чувствовал, как внутри закипает тёмное, злое веселье.

— Ну и чего добилась? — усмехнулся я.

— Пусти! — рявкнула она, дёргаясь, пытаюсь вырвать ногу.

— Пустить? — я сжал щиколотку сильнее. Кости, кажется, хрустнули. — Сейчас.

И резко дёрнул на себя. Она потеряла равновесие, взмахнула руками, пытаюсь удержаться, и вцепилась мне в ворот куртки. Я даже не ожидал — просто почувствовал рывок, и мы оба полетели вниз. Удар. Мох. Земля. Корни. Она оказалась подо мной — прижатая к земле. Руки распластаны по сторонам, грудь вздымается, глаза мечут молнии. А я нависаю сверху, упираясь коленями в мох, и чувствую, как подо

мною бьётся её злость, как дрожит её тело от напряжения.

— О-о-о, — выдохнул я, глядя на неё сверху вниз. — Вот это мне больше нравится, дрянь.

— Слезь! — заорала она, дёргаясь подо мной. Пыталась вырвать руки, брыкалась, била коленями, но я придавил её весом, вжал в мох так, что хрустнули ветки под спиной. — Лежать, — процедил я сквозь зубы. Наклонился к самому лицу, чувствуя её дыхание — горячее, злое, срывающееся. — Дёргаться будешь — хуже сделаю.

— Пошёл ты!

Я замер. Посмотрел на неё. В глазах — красная пелена. Никто. Никогда так не говорил.

— Ты совсем охренела, сука? — прорычал я, сжимая её запястья так, что кости, наверное, затрещали. Она взвизгнула, но взгляда не отвела. Только злости в глазах прибавилось.

— Руки убрал, мразь!

— Заткнись, — рявкнул я. Свободная рука скользнула вниз. Под майку. По голому животу — горячему, напряжённому, дрожащему от каждого вздоха. Выше. Грудь. Горячая,

упругая, тяжёлая. Я сжал — нагло, чувствуя, как сосок упирается в ладонь, как она замирает подо мной.

— М-м-м, — выдохнул я, глядя ей в глаза. — Сочная...

— Убери руку, урод! — она взвизгнула, забилась подо мной с утроенной силой. Но я держал крепко. Я сжал сосок. Резко. Жёстко. Между пальцами. Она выдохнула — резко, со свистом, и замерла. А потом... сука покраснела. Щёки вспыхнули алым даже в темноте, даже при луне было видно, как краска заливает лицо, шею, уши.

— О-о-о, — протянул я, чувствуя, как внутри разгорается тёмное веселье. — А это что такое? Мы краснеем, да? Мелкая дрянь краснеет от того, что её лапают? Серьёзно?

— Заткнись! — выдохнула она, пытаясь вывернуться, закрыться, но я держал её запястья одной рукой, а второй продолжал сжимать грудь.

— Не заткнусь, — усмехнулся я, сжимая сильнее. — Мне интересно. Ты такая дерзкая, так орёшь, яйца мне обещаешь оторвать, драться лезешь... а сама краснеешь, как школьница на первом свидании. Ты что, целка, что ли?

Она дёрнулась так, что я едва удержал её запястья.

— Не твоё дело!

— Моё, — жёстко оборвал я, наклоняясь к самому уху. Губами коснулся мочки, чувствуя, как она вздрагивает. — Всё, что касается тебя — теперь моё. Ты сама подписалась, когда фак мне показала. Сама, когда пощёчину влепила. Сама, когда при всех унижать пыталась. Теперь ты моя сучка. По жизни.

— Я ничья сучка! — рывкнула она, сверкая глазами. — И ничья не собственность! Убери руки, пока я тебе зубы не пересчитала!

— О-о, зубы, — усмехнулся я. — Язык твой острый работает отлично, я уже понял. Может, займёшь его делом? Отсосать хочешь? Так я не против. Давай, покажи, на что способен твой острый язык. А то всё болтаешь, болтаешь...

— Я тебе язык в жопу засуну! — выплюнула она. Глаза горят, грудь вздымается, губы дрожат от злости.

— Оригинально, — кивнул я. — А сама-то хоть понимаешь, о чём говоришь? Или так, языком треплешь, потому что больше нечем?

— А ты, значит, понимаешь? — она усмехнулась сквозь злость. — Только и можешь, что баб лапать, да ремнём щёлкать, да в лесу пугать. Мужчина, блин. Царь, бог университета. А на деле — придурок с деньгами, которому яйца никто не открутил вовремя. Просто трус, которому никто не даёт, пока силой не возьмёт.

У меня в глазах потемнело. Я схватил её за подбородок. Сжал так, что она пискнула. Приблизил лицо вплотную. Чувствую её запах — лес, костёр, что-то сладкое, своё.

— Слушай сюда, мелкая дрянь. Я могу сделать с тобой что угодно. Прямо сейчас. Прямо здесь. И никто не вякнет. Никто не придёт. Даже твоя рыжая подружка. Ты это понимаешь?

— Понимаю, — выдохнула она, не отводя взгляда. Ни капли страха. Только злость и вызов. — И что? Трахай. Насилуй. Убивай. Всё равно тебе никто другой не даст, только силой и берёшь. Тряпка ты, а не мужик.

— Ты...

— Что — я? — перебила она. — Правда глаза режет? Ты привык, что бабы сами на шею вешаются, да? Деньги, тачка, положение. А тут я — и не вешаюсь. И не повешусь. Так что

можешь давиться своей злобой. Мне не жалко.

Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри всё кипит. Плавится. Закипает до предела. И вдруг до меня дошло.

— Ты целка, — сказал я не спрашивая. Утверждая. Она замерла. В глазах мелькнуло что-то — страх? злость? паника? — но поздно. Я уже видел. Я уже понял. — Ах ты сука, — выдохнул я, чувствуя, как внутри разгорается дикое, первобытное торжество. — Целка. Самая дерзкая целка на этом первом курсе. Девственница с волчьими глазами.

— Заткнись!

— Не заткнусь, — усмехнулся я, придавливая её сильнее. — Это же подарок судьбы. Самые сладкие сливки — те, что никто не трогал. А я сниму. С тебя сниму. Лично.

— Пошёл ты...

— Молчи, — оборвал я, зажимая ей рот ладонью. Она замычала, забилась, но я держал крепко. Наклонился к уху, прорычал, чувствуя, как её дыхание обжигает мою щёку:

— Твоя узкая дырочка будет на моём члене. Самая лучшая награда за всё, что ты посмела мне сделать. Фак показа-

ла? Пощёчину дала? При всех унижала? Сейчас драться полезла? За каждое слово ответишь. Своей киской ответишь. Поняла меня?

Она вырвала рот, впилась зубами мне в ладонь — сильно, до крови, до мяса. Я отдёрнул руку — матерясь, трясая кистью, чувствуя, как по пальцам течёт тёплая жидкость. Зубы у неё острые, сука, как у волчонка.

— Бешенство матки у тебя, — выдохнул я, глядя на кровь.
— Ты реально бешеная.

— А ты — труп, — прошипела она. Тихо. Страшно. — Рано или поздно. Я тебя убью.

— Посмотрим, — усмехнулся я, снова нависая. — Но до того, как я стану трупом, ты станешь моей. И не просто на одну ночь. Я тебя трахать буду, пока не сломаю. Пока не забудешь, как огрызаться. Пока не начнёшь ноги раздвигать, едва меня увидишь. Пока не станешь моей сучкой навечно.

— Хрен тебе!

— Увидим, — улыбнулся я. Зло. Жёстко. — А теперь — вали. Пока я не передумал и не трахнул тебя прямо здесь, в грязи, как последнюю шлюху. Вали, пока я добрый.

Я поднялся. Резко. Отпустил её. Она откатилась, вскочила на ноги, готовая бежать. Одернула майку, лосины, все в мхе и грязи. Волосы растрепаны, губы припухшие, глаза горят дикой злостью. Грудь вздымается, на щеке — грязь.

— Ещё раз тронешь — убью, — выдохнула она. — Честное слово, убью.

— Трону, — пообещал я, облизывая прокушенную ладонь. Кровь солёная, металлическая. — Не сегодня, так завтра. И послезавтра. Пока ты не станешь моей. Ты от меня не убежишь.

Она рванула в темноту. Я смотрел вслед, как её силуэт тает между деревьями, как ветки смыкаются за ней. Стоял, тяжело дыша, чувствуя, как адреналин гудит в крови. Облизнул ладонь ещё раз. Вкус её крови на языке.

— Аня, — повторил я вслух. — Сучка первокурсница. Ну держись.

Внутри гудело. Не от виски — от злобы. От азарта. От предвкушения. Я её сломаю. Чего бы это ни стоило.

Глава 9. Смертный приговор

--- Я достал сигарету. Руки немного тряслись — мелкая, противная дрожь, которую не мог унять. Злость ещё не отпустила, гуляла по крови, пульсировала в висках, сжимала горло. Пальцы не слушались, когда я вытаскивал сигарету из пачки — пришлось прикусывать фильтр зубами, чтобы не выронить. Прикурил. Затянулся глубоко, до самых лёгких, чувствуя, как горячий дым обжигает горло, разливается внутри, пробивается в каждую клетку. Выдохнул в тёмное небо — серая струйка поползла вверх, тая в черноте, смешиваясь с холодным ночным воздухом. Пачка пустая. Смял её в кулаке, бросил под ноги.

Ну и хрен с ним. Всё равно курить много вредно, как говорит Арс. А мне сейчас спокойнее как-то. Лес, ночь, тишина. Только где-то вдалеке музыка долбит — глухие, приглушённые расстоянием басы, от которых воздух едва заметно вибрирует. Но здесь, у палаток, почти не слышно. Только ветер шумит в кронах сосен, только ночные птицы перекликаются где-то в глубине леса.

Я затянулся ещё раз, прикрыв глаза. В темноте сразу всплыло её лицо. Аня. Глаза волчицы. Губы, которые только что были так близко. Запах — лес, костёр, что-то сладкое,

своё, что не выветривается из памяти. Как она дышала подомной — часто, зло, с рычанием. Как не сдавалась. Как смотрела — не с ужасом, не с мольбой, а с вызовом.

Сука.

Я шёл к своему Харлею. Ноги сами несли через поляну, между палатками, мимо догорающего костра. Сигарета тлела в пальцах, освещая путь красным огоньком. Сигареты должны быть в бардачке — я всегда пачку-зачачку оставляю, на всякий случай. На крайний случай. Для таких ночей, когда курить хочется до ломоты в зубах. Мысли крутились вокруг одного — неё. Аня. Сука. Девственница. Я это понял, когда она покраснела. Когда я сжал её грудь, и она замерла, краска залила щёки, даже в темноте было видно. Не от стыда даже — от незнания. От того, что никто до меня не прикасался к ней так. Никто не брал.

Дикая. Не потому, что бешеная, а потому что не трахали. Не ломали. Не ставили на место. От этого и дикая — от незнания, кто тут главный. От того, что ни один мужик не объяснил ей, как надо. Как правильно. Как должно быть. Я усмехнулся, затягиваясь. Дым обжёт горло. Ну ничего. Я объясню. У меня терпения хватит. Я её всему научу. Уже представил, как эта сучка будет выглядеть после секса. Как первый раз, когда поймёт, что это не больно, не страшно, а

кайфово. Когда расслабится. Когда перестанет огрызаться. Растрёпанная, удовлетворённая, с мутными глазами, с припухшими губами. Будет лежать на спине, тяжело дышать, а потом повернётся и скажет: «Ещё... Демид... ещё...» А я буду смотреть сверху вниз и усмехаться. Потому что знаю — с этого момента она моя. Навечно. Покладистая. Послушная. Готовая на всё, лишь бы я её снова трахнул. Лишь бы снова почувствовать это. Мысль понравилась. Даже злость чуть отпустила. В груди разлилось тепло — не от сигареты, от предвкушения.

Я подошёл к мотоциклу. Он стоял чуть поодаль, у края поляны, где мы оставили технику. Три Харлея — мой, Гора, Арса. Чёрные, блестящие, хищные даже в темноте. Хром тускло мерцал в лунном свете, колёса утопали в траве. Красиво. Дорого. Моё. Я достал ключи, открыл бардачок, полез за пачкой. Нащупал в темноте знакомый прямоугольник. И тут...

— Что за... Я замер. Рука застыла на полпути. В глазах потемнело — не от темноты, от того, что я увидел.

Краска. Царапина. Глубокая борозда по крылу, прямо по хрому. Длинная, извилистая, как змея. От фары до самого конца. Я провёл пальцем по краю — медленно, не веря. Палец провалился в борозду. Глубоко, до металла. До само-

го сердца мотоцикла. Хром содран, краска осыпалась, под пальцем — холодный, голый металл. В голове взорвалось: кто? Кто посмел? Мотоцикл — не просто техника. Это «Харлей». Это моё. Это неприкосновенно. Это часть меня. И кто-то...

Я даже думать не стал. Сразу понял. Тварь малолетняя. Красная пелена застелила глаза. Такая же, как тогда, когда она фак показала. Как когда пощёчину влепила. Как когда подо мной лежала и плевалась словами. Как когда укусила до крови.

— Ах ты сука, — прошипел я в темноту. Голос хриплый, чужой, не мой. Слова вырвались сами, вместе с дыханием. Она. Конечно, она. Кто ещё? Рыжая не посмеет, у неё кишка тонка. Остальные вообще мимо пройдут — побоятся. А эта — у неё характер. У неё яйца есть. Она способна. Смелая, да? Ничего.

Я облокотился о мотоцикл, сжал руль так, что побелели костяшки, что кожа на пальцах натянулась до хруста. В голове — красная пелена. Злость кипела, пузырилась, требовала выхода. Хотелось что-то сломать. Кого-то убить.

Я выпрямился, закурил новую сигарету — пальцы дрожали, пришлось два раза чиркать зажигалкой. Руки тряслись от

злости, от адреналина, от бессилия. Но я заставил себя дышать ровно. Глубоко. Размеренно. Думать холодно. Арс бы так и сделал — холодно, без эмоций. Он всегда так делает, когда бесится. Просто смотрит, молчит, и от этого его взгляда у людей подкашиваются колени.

Значит, так. Я затаился, выпустил дым, глядя на царапину. В темноте она казалась ещё глубже, ещё страшнее. Она пожалеет, что родилась на свет. Я найду её и поставлю на колени. Прямо в коридоре универа, у всех на виду. Пусть все видят, что бывает с теми, кто трогает моё. Мало ей было леса? Мало того, что я её под себя подмял, что она подо мной лежала и дышала в моё лицо? Мало того, что я её трогал, сжимал, чувствовал, как дрожит её тело?

Она хочет войны? Будет война.

Я сломаю её. Не за месяц — за неделю. Каждый день буду находить, подходить, трогать. Напоминать, что она — моя. Что бы она ни делала, куда бы ни пряталась — я буду рядом. Буду давить. Буду ломать. Заставлю ползать передо мной на коленях, целовать ботинки и умолять простить. А потом трахну — так, что забудет, как дышать. И каждый раз, когда она будет видеть мой мотоцикл, у неё будет подкашиваться колени. И каждый раз, когда она будет видеть меня, она будет раздвигать ноги, потому что поймёт — сопротивляться

бесполезно. Это не просто месть. Это урок. Для неё. И для всех, кто думает, что со мной можно так обращаться. Кто думает, что можно безнаказанно показывать мне фак, бить по щекам, кусать до крови, царапать мою технику.

Я сжал сигарету так, что фильтр хрустнул. Докурил, затоптал бычок ногой, вдавил в сырую землю так, что он размазлся по траве. Провёл пальцем по царапине ещё раз — медленно, чувствуя каждую неровность. Глубоко, сука. До металла. До самого сердца.

— Завтра, Аня, — сказал я вслух. Голос прозвучал в тишине глухо, зловеще. — Завтра ты узнаешь, кто тут настоящий демон.

Из темноты вынырнули двое. Гор — с довольной, размлевшей рожей, растрёпанный, волосы торчат в разные стороны, куртка нараспашку. Явно только что из палатки, довольный и расслабленный. Арс — как всегда спокойный, будто и не было ничего. Шёл лениво, с сигаретой в зубах, руки в карманах, лицо непроницаемое. Даже после секса он выглядит так, будто только что вышел с совещания.

— О, Демон, — Гор подошёл, хлопнул меня по плечу так, что я качнулся. — А мы тебя ищем по всей поляне. Ты чего здесь застыл? Ты чего такой мрачный? Вроде только что

трахался, а нихрена не довольный. Что, Лариса не оправдала ожиданий? Или ты её там ремнём отходил, а она не оценила? Я сплюнул под ноги. Густая слюна упала на траву.

— У меня на её счёт никаких ожиданий не было, — ответил я глухо. — Я знаю, что она трахается как шлюха. Так и вышло. Пришла, отработала, уснула.

— А чего тогда? — Гор пожал плечами, поправил куртку. — Я вон с Каткой с психфака завалился. Тоже знатная сучка, сосёт — закачаешься. Прямо от души старалась. Сейчас дрыхнет, даже не шевелится.

— А я вообще не трахался, — лениво вставил Арс, затягиваясь и выпуская дым в тёмное небо. — Надоели эти дешёвые тёлки. Одна херня. Приходят, ложатся, стонут по шаблону. Скучно.

— Ой, заткнись, — отмахнулся Гор, закатывая глаза. — Ты вечно недовольный. Тебе хоть Miss Universe приведи — всё равно нос воротить будешь.

— Дем, ты чего молчишь? Случилось что? — спросил Арс

Я молча развернул мотоцикл, ткнул пальцем в крыло. Палец провалился в борозду, как в рану.

— Смотри, что сука сделала.

Гор наклонился, вглядываясь. Присвистнул так, что птицы в ближайших кустах зашевелились. Даже Арс подошёл ближе, прищурился, вынул сигарету изо рта.

— Ни хрена себе, — выдохнул Гор. — Это кто ж так? Ножом, что ли? Прямо по хрому, по краске...

— Ножом, — кивнул я. Голос прозвучал ледяным, чужим. — Глубоко, до металла.

— Seriously... — Гор выпрямился, посмотрел на меня. В его глазах плескалось непонимание пополам с охренением. — Кто? Кому ты дорогу перешёл? У тебя ж врагов вроде нет, все знают, кто ты.

Я усмехнулся. Криво, зло, одними уголками губ.

— Помнишь ту мелкую, что фак мне показала при всех?

Глаза Гора округлились.

— Которая тебя послала на хер? Которая пощёчину влепила? Та, с которой ты в лес уходил?

— Она.

— И чё? — Гор непонимающе моргнул, почесал затылок.
— Ты её трахнул, а она тебе в отместку мотоцикл поцарапала? Охренеть месть, конечно. Бабы вообще странные, но это...

— Не трахнул, — перебил я, чувствуя, как желваки заходили под кожей.

— Ну ни хрена себе у неё яйца. Тебе отказать, послать, пощёчину дать, да ещё и мотоцикл попортить... Дем, ты уверен, что это она? Может, кто другой?

— Уверен, — отрезал я, сжимая руль так, что кости хрустнули. — У нее характер — сука, будь здоров. У такой хватит мозгов и смелости. Больше никому.

Арс молчал всё это время. Курил, разглядывал царапину, будто изучал её, запоминал каждую линию. Потом поднял на меня глаза — холодные, спокойные, как у удава.

— И что делать будешь? — спросил он ровно.

— А ты не понимаешь? — я усмехнулся, чувствуя, как

внутри закипает тёмное, вязкое веселье. — Покажу, кто тут хозяин. Кто тут Демон.

— В универе? — уточнил Арс, выпуская дым.

— Да хоть где, но она запомнит этот день на всю жизнь.

— Только смотри, не перегни. Она не из пугливых. Такие, если их прижать, могут укусить больно. Я таких знаю.

— Тем интересней, — усмехнулся я. — Чем злее сучка, тем слаще её ломать.

Гор хлопнул меня по плечу — тяжело, по-дружески.

— Ладно, Дем, пошли к костру. Выпьём, забей на сучку. Утро вечера мудренее, как говорится. Там и придумаешь, как её ставить на место.

— Идите, — бросил я, не глядя на них. — Я догоню. Посижу ещё.

Парни переглянулись. Гор хотел что-то сказать, но Арс дёрнул его за рукав — мол, не лезь. Они знали, когда со мной лучше не спорить. Ушли в темноту, растворились между палатками. Только шаги затихли, да ветки хрустнули на-

последок. Я остался один. Стоял, смотрел на царапину, водил по ней пальцем, чувствуя холод металла. Вокруг шумел лес, пахло ночью и свободой. А в голове крутилось только одно — она будет на коленях. И будет умолять. Я встал и пошел за друзьями. Они же устроились у костра. Огонь уже догорал — угли тлели багровым, иногда вспыхивали последними языками пламени, выбрасывая в темноту снопы искр. Тепло ещё чувствовалось, но ночной ветер уже пробирал холодом, заставляя ёжиться.

Мелкие первокурсники разбрелись — кто по палаткам досыпать, кто по кустам догуливать с бутылками и подружками. Остались только свои: Гор, Арс и ещё пара парней с нашего потока — Руслан и Колян. Бутылка вискаря по кругу ходила, костерок потрескивал, музыка где-то вдалеке уже не долбила, а так, фоном играла, смешиваясь с шумом леса.

Я смотрел в огонь и видел только её лицо. Оно не отпускало. Въелось под кожу, как заноза.

— Дем, ты как? — Руслан протянул мне бутылку, чуть не ткнув в лицо. — Накати, легче станет. Вискарь от всех болезней.

Я взял, глотнул прямо из горла. Обжигает. Хорошо. Горячая жидкость покатилась внутрь, разливаясь теплом, но

злость не уходила — только притуплялась на пару секунд, чтобы снова вспыхнуть с новой силой.

— А чё ему станется? — Гор усмехнулся, подкидывая сухую ветку в огонь. Та затрещала, вспыхнула, осветив его довольную рожу. — У него теперь война с первокурсницей. Веселуха полная. Романтика, блин.

— С кем? — Колян поднял бровь, отрываясь от телефона.

— Да есть одна, — отмахнулся я, не глядя на него. — Не твоего ума дело.

Колян пожал плечами и заткнулся. Правильно. Нечего в чужие разборки лезть.

Некоторое время сидели молча. Только огонь потрескивал, ветки хрустели, да где-то в глубине леса ухала сова. Вокруг темнота — густая, плотная, хоть ножом режь. Звёзды на небе горели ярко, холодно, равнодушно. Смотрели на нас сверху, как на муравьёв. Потом Арс, как всегда спокойно, заговорил. Голос ровный, без эмоций, но в тишине прозвучал как удар колокола.

— Кстати, про воскресенье. Ты не забыл? Гонка в восемь.

Я поднял голову, выныривая из мыслей.

— Не забыл.

— Завтра вечером? — оживился Гор, подаваясь вперёд. Глаза загорелись. — Я тоже буду, конечно. — Да, — Арс глянул на часы, блеснувшие в свете костра. — Завтра в восемнадцать ноль-ноль сбор на старой трассе. Спонсоры из Барвихи подогнали призы — полтос баксов победителю и два лимона на тюнинг от серьёзных людей.

— Ого, — присвистнул Руслан с уважением. — Серьёзно заморочились. Не шутки.

— А то, — усмехнулся я, чувствуя, как внутри зашевелилось что-то знакомое. Азарт. Предвкушение. — Не первый раз. Они знают, на кого ставить.

— Кто участвует? — спросил Колян, откладывая телефон.

— Да все свои, — Арс пожал плечами, доставая новую сигарету. — Смирнов на своём «Порше», Марат на «Ауди», ну и мы, естественно. Ещё пара парней с Рублёвки подтянутся, говорят, на новых «Мазератти».

— Я на «Порше» тоже поеду, — вставил Гор, довольно ух-

мылясь. — Покажу этим барвихинским, как надо по трассе валить.

— Вот это по-нашему, — усмехнулся я, хлопнув его по плечу. — Я на «Ламбе» буду. Восемьсот лошадей под капотом. Пусть давятся.

— Так чё, едем? — Арс посмотрел на меня в упор. В его глазах плясали отблески костра. — Или ты из-за своей мелкой в aute? Может, не до гонок сейчас?

Я допил вискарь, закурил.

— Ещё как поеду, — ответил жёстко. Чеканя каждое слово. — Мне надо выплеснуть куда-то эту злость. Иначе я кого-нибудь убью. А на трассе можно легально.

— Только учти, — Арс затянулся сигаретой, выпустил дым в тёмное небо, — Смирнов опять выёбываться будет. Говорят, он движок форсировал, шестьсот лошадей снял. И подвеску перебрал, теперь в поворотах держится лучше.

— Плевать, — усмехнулся я, чувствуя, как внутри разгорается холодный огонь. — У меня восемьсот. Он ссыкун — на прямых только топит, педаль в пол и молится, а в повороты входить боится. Там я его и сделаю.

— Ну смотри, — Арс пожал плечами. — Тебе решать. Ты у нас главный гонщик.

— Полтос баксов - сладкий приз, — повторил Арс. — И два лимона на тюнинг от спонсоров. Они хотят раскрутить эту движуху, сделать из неё регулярную тусовку. Говорят, если первый заезд пройдёт огонь, будет целая серия гонок. С телевидением, со СМИ, со всем.

— Ни хрена себе, — присвистнул Гор. — Тогда надо точно ехать. И побеждать.

— Я побеждать буду, — усмехнулся я, чувствуя, как адреналин уже начинает гудеть в крови. — А вы так, массовку изображать будете, для фона.

— Обижаешь, — надулся Гор, но в глазах плясали смешинки.

— Правда глаза режет, — отрезал я. — Ты на прямых ещё ничего, а в поворотах теряешься. Подтяни мастерство сначала.

Все снова заржали. Даже Арс улыбнулся одними уголками губ — для него это был целый фейерверк эмоций.

— Ладно, — я глянул на часы. Циферблат светился в темноте. — Сейчас первый час. У нас ещё куча времени. Поспим пару часов, развлечемся здесь ещё с утра — и рванём на трассу. Успеем и поспать, и поесть, и настроиться.

— Кстати про Харлей, — Гор понизил голос, оглянувшись по сторонам, будто кто-то мог подслушать. — Ты той мелкой сказал уже, что она подписала себе приговор?

— Завтра расскажу, — усмехнулся я, чувствуя, как внутри закипает тёмное веселье. — И не просто расскажу — покажу, что бывает с теми, кто трогает моё.

— В кустах? — уточнил Гор с ехидной улыбкой.

— Где найду, — усмехнулся я. — Не важно где. Важно, что трахать буду. Порву целочку, будет знать, как с Демоном связываться.

— Хера, — гоготнул Руслан, хлопая себя по колену. — Ну ты зверь, Демон.

— А то, — усмехнулся я.

Я откинулся назад, закурил новую сигарету и уставился

в огонь. Угли тлели багровым, иногда вспыхивали, освещая лица парней. Мысли медленно перетекали с неё на гонку. Скорость, адреналин, рёв мотора — вот что мне сейчас нужно. Выплеснуть всё это дерьмо на асфальт, оставить его там, на трассе, вместе с визгом покрышек. Но сначала — она. Сначала её волчий взгляд должен стать покорным. Сначала её губы, которые так смело плевались ядом, должны сомкнуться на мне. Сначала её тело, которое так отчаянно сопротивлялось, должно принять меня. Порву. И точка.

Костер догорал, ночь становилась холоднее, где-то в лесу кричала ночная птица. А я сидел, курил и улыбался своим мыслям. Завтра будет интересный день. Очень интересный.

Глава 10. Наглость

Я проснулась в девять утра. Солнце уже вовсю заливало палатку, прогревая воздух до духоты. Сквозь тонкую ткань пробивались лучи, рисовали на спальнике золотистые полосы. Где-то за стеной щебетали птицы, слышались далёкие голоса — жизнь на поляне уже начиналась. Красота-а-а... Я потянулась, чувствуя, как хрустят суставы после ночи на жёстком полу. Спальник сбился, под спиной — какой-то корень, впивавшийся всю ночь. Но плевать. Главное — я жива, я выжила после вчерашнего, и солнце светит.

Я быстро обтерлась влажными салфетками — сэкономила воду, до озера ещё дойти надо. Сменила одежду: надела бикини, сверху лёгкий топ и шорты. Вчерашнее всё провоняло костром, было в земле и, кажется, насквозь пропиталось его запахом. Аромат Демона. Пиздец, конечно. От одной мысли об этом внутри всё сжалось.

Бикини — ярко-жёлтое, треугольники на завязках. Ну а что? Третий размер бюстгальтером не спрячешь, так хоть красиво. Белые волосы собрала в высокий хвост, чтобы не липли к шее. Глянула в карманное зеркальце — нормально. Свежая, отдохнувшая. Надеюсь, этот придурок дрыхнет ещё где-нибудь в кустах, напившись в хлам. Валяется мордой в

грязи, и ему снятся кошмары.

Я вылезла из палатки. Лерка ещё спала — свернулась калачиком, уткнулась носом в спальник, только рыжие волосы торчат. Будить жалко. Пусть досматривает сны. Сентябрь, а печёт как в июле. Солнце уже высоко, воздух горячий, влажный, пахнет травой, нагретой хвоей и озером. Давно такой осени не было.

Я глубоко вдохнула, чувствуя, как лёгкие наполняются этим утренним, чистым воздухом. Взяла полотенце — большое, махровое и отправилась к озеру. Тропинка петляла между соснами, ноги утопали в мягкой траве, босоножки я несла в руке. Хотелось босиком, по земле, по теплу. От озера уже доносился весёлый плеск воды, смех, чьи-то крики. Видать, не я одна так рано встала. Кто-то тоже решил искупаться до жары.

Я вышла на берег. Озеро лежало передо мной — спокойное, тёмное, в утреннем свете казавшееся почти чёрным у глубины и золотистым у берега. Вода рябила от множества тел — девчонки с нашего курса плескались у самого берега, парни ныряли с самодельного плота, кто-то притащил мяч и они играли в воде, визжа и брызгаясь. Красота. Жизнь. Я положила полотенце на траву — на самый солнцепёк, чтобы потом греться — и начала раздеваться.

Стянула топ через голову, поправила лямки бикини. Наклонилась, чтобы снять шорты, и в этот момент... Шлёп! Увесистый шлепок по попе обжёг кожу. А потом чья-то рука нагло, собственнически сжала ягодицу, впиваясь пальцами.

— Ай!

Я резко разогнулась, вырывая свою попу из лапы нахала. Развернулась, готовая вцепиться в морду любому придурку, кто посмел... Он стоял в шаге от меня. Без футболки, загорелый, с мокрыми после купания волосами. В глазах плясали черти — тёмные, опасные, голодные. Демон. Собственной персоной. И смотрел он на меня так, будто я уже лежу перед ним на траве.

— Моя сучка, — выдохнул он с усмешкой. Ненависть взметнулась внутри, смешиваясь с чем-то ещё. Я стиснула зубы.

— Какого хрена тебе надо?

— Расплачиваться готова за Харлей? — он шагнул ближе, нависая надо мной. От его тела пахло озером, солнцем и опасностью.

— Ничего не знаю про твой Харлей, — процедила я, отступая на шаг. Голос звенел от злости. — Ещё раз дотронешься — я тебе руку оторву и в задницу засуну. И скажу всем, что так и было! Понял, придурок?

— М-м-м, — протянул он, и его взгляд скользнул вниз, на мою грудь, едва прикрытую жёлтыми треугольниками. — А сосочки-то встали. Холодно? Или от страха? А может возбуждалась? Я машинально скрестила руки на груди, прикрываясь. Щёки вспыхнули.

— Пошёл на хрен!

Он засмеялся — низко, довольно и начал стягивать штаны. Спокойно так, будто рядом никого нет. Будто я уже его.

— Иди сюда, сучка, — сказал он, оставшись в плавках. — Продолжим воспитательный момент. Ты не договорила, я не доделал.

— Ага, раз мечтался! — я отпрыгнула назад, подальше от его загребущих рук. — Держи свой член в своих руках, можешь подрочить на свою Ларису. Она, кажется, любит, когда её душат.

— Ну ты дрянь! — в его глазах мелькнуло что-то опасное,

но я уже развернулась и быстрым шагом пошла к воде. Пока этот debil не начал вытворять что-то совсем уж безумное. В воде толпа — там не тронет. При людях он вряд ли рискнёт.

Я зашла по пояс — вода обожгла прохладой, но после жары это было кайфово. Глубже. Ещё глубже. Нырнула с головой, чувствуя, как вода смывает липкий страх. Отплыла подальше, работая руками изо всех сил. Ну в самом деле, не утопит же он меня? Хотя... А если будет топить — за яйца схвачу и оторву. У меня рефлексы хорошие.

Я вынырнула метрах в десяти от того места, где нырнула. Встала на дно — озеро здесь было по грудь, илистое, мягкое. Отдышалась, огляделась. Вокруг плескались люди, кто-то узнал, помахал рукой. Я помахала в ответ, а сама сканировала глазами берег. Его нигде не было. Выдохнула. Ушёл. Наверное, обиделся. Ну и отлично. Я откинулась назад, поплыла на спине, глядя в ярко-голубое небо. Облака плыли медленно-медленно, где-то кричали птицы. Хорошо. Спокойно. Он ушёл.

И вдруг — руки под водой. Резко, сильно, без предупреждения. Крепкие пальцы обхватили меня за талию, рванули вниз, под воду. Я взвизгнула, хлебнула воды, забилась, пытаюсь вырваться, и в следующую секунду он вынырнул вплотную ко мне. В лицо. В глаза. В дыхание. Мокрые волосы при-

липли ко лбу, с губ стекала вода. А в глазах — та же тёмная, голодная усмешка.

— Пусти! — заорала я, дёргаясь. Но он уже схватил меня за руку, рванул, разворачивая спиной к себе. Мои руки оказались сжаты в его одной — за спиной, жёстко, до боли в запястьях. Я взвизгнула, пытаюсь вывернуться, но он держал мёртвой хваткой.

— Т-ш-ш-ш, — выдохнул он мне прямо в ухо. Голос низкий, вязкий, как смола. — Ты же не хочешь, чтобы другие поняли, какая ты доступная, да?

— Я не доступная, урод! — прошипела я, дёргаясь. — Отпусти!

— Нет? — усмехнулся он, и его свободная рука скользнула вниз. Под воду. К моим плавкам. — Ну-ка проверим...

— Не смей, урод! Его пальцы коснулись лобка. Провели по нему медленно, нагло, изучающе.

— Гладенькая, — выдохнул он мне в ухо. — Как я люблю.

— Отпусти! — Я дёрнулась с утроенной силой, но он только рассмеялся.

— Не-е-е, — протянул он, и его пальцы сдвинулись ниже, раздвигая складочки. — Ты будешь расплачиваться за Харлей. Телом. Другой валюты не принимаю.

Я всхлипнула. От бессилия, от страха, от того, что его пальцы уже там, уже трогают, уже проникают.

— Какая киска горячая, — выдохнул он довольно. — Течёт уже, да?

— Не тронь, ублюдок...

Он нащупал клитор. Пальцы сжались, потёрли — умело, нагло. Я взвизгнула — громко, не сдержавшись.

— О-о-о, — протянул он, прижимаясь ко мне спиной. — Сучке приятно, ну конечно... Какого тебе получать удовольствие от моих рук, а? Нравится, дрянь?

Внутри всё горело. Стыд, злость, унижение — и это проклятое, предательское тепло, которое разливалось внизу живота от его прикосновений. Тело не слушалось, откликалось на умелые пальцы, и от этого хотелось провалиться сквозь землю.

— Не смей... — выдохнула я, но голос сорвался.

— Посмотрим, как ты кончаешь, — прорычал он мне в ухо, ускоряя движения. — Хочу знать, какая ты, когда теряешь контроль. Хочу слышать, как ты стонешь.

Пальцы работали ритмично, нагло, безжалостно. Я кусала губы, пытаюсь сдержать рвущиеся наружу звуки, но дыхание уже сбилось, тело выгибалось само, против воли. Внизу живота закипало, разгоралось, требовало разрядки.

— Давай, — шипел он. — Кончай для меня. Покажи, какая ты на самом деле.

— Нет... — простонала я сквозь зубы.

И тут — как гром среди ясного неба:

— Демон! Ты где?! Выходи, там гонки обсуждать будем!

Голос Гора. С берега. Довольный, громкий. Он замер. На секунду. Пальцы остановились.

— Блять, — выдохнул он с досадой. Я дёрнулась изо всех сил, выворачиваясь из его рук. На этот раз он не удержал — то ли ослабил хватку, то ли я на адреналине смогла. Рванула

в сторону, работая руками и ногами, уходя под воду, выныривая, снова гребя.

— Стоять! — рявкнул он, но я уже не слушала. Плыла изо всех сил, к другому берегу, подальше от него, от этого кошмара, от его рук, которые всё ещё горели на моей коже. Выскочила на берег, хватая ртом воздух. Обернулась. Он стоял по пояс в воде и смотрел на меня. Издалека не видно лица, но я знала — он усмехается. Довольный..

— В другой раз, сучка! — донеслось через воду.

Злость душила. На него. На себя. На своё тело, которое посмело откликнуться. Я заставлю его заплатить. За всё. За этот унижительный оргазм, который настиг в момент, когда Гор отвлек. За то, что посмел трогать.

Нужно собираться. Скоро уезжать. И подумать, как жить дальше, когда Демон объявил на меня охоту.

--- Сука. Черт. Я кончила. От него. От этого уродя. От его пальцев. В воде. При свете дня. Я стояла на берегу, чувствуя, как последние спазмы отпускают тело, как жар отливает от низа живота, оставляя после себя только липкий стыд и бешенство.

Животное! В голове гудело, перед глазами всё плыло — от злости, от унижения, от того, что моё собственное тело предало меня. Ноги не слушались, дрожали, подкашивались, но я бежала. К своим вещам. К одежде. К спасению. Схватила полотенце, топ, шорты — всё в охапку, не глядя, не разбирая. Натягивать на мокрое тело было бесполезно, я просто прижала вещи к груди и рванула в сторону палаток. Босиком по траве, по колючкам, по веткам — плевать. Лишь бы подальше от этого места. Подальше от него.

— Что за мудак! — заорала я в голос, влетая в кусты. Ветки хлестали по ногам, оставляя красные полосы, но я не чувствовала боли. Внутри всё горело — стыдом, злостью, этим проклятым, предательским удовольствием, которое до сих пор пульсировало где-то глубоко, напоминая о том, что случилось.

Я влетела в палатку, упала на колени прямо на спальник, тяжело дыша. Сердце колотилось где-то в горле, руки тряслись. Лерка уже проснулась. Сидела, протирая глаза, растрёпанная, сонная, рыжие волосы торчат во все стороны. Увидела меня — и подскочила, будто её током ударило.

— Ты чего? — выдохнула она, вглядываясь в моё лицо.
— Ты чего такая злая? Что случилось?

— Демон! — выплюнула я. — Сука! В воде... трогал...

— Чего?! — Лерка округлила глаза до размеров блюдца.

— Прямо трогал? Где? Как? При всех?

— В воде, — я сглотнула, чувствуя, как к горлу подкатывает противный ком. — Подплыл сзади, схватил, руки заломил... и трогал. Там. Пальцами.

Лерка побелела. Села рядом, схватила меня за руки, сжала до боли.

— Ань... он что... изнасиловал?

— Нет, — мотнула головой. — Не успел. Его Гор позвал, с берега орал. Но он... он... Я замолчала. Слова застряли в горле, не желали выходить, душили.

— Что? — Лерка сжала мои пальцы. — Что, Ань?

Я выдохнула. Шумно. С надрывом. Спрятала лицо в ладонях, чтобы не видеть её жалости.

— Я кончила, Лер, — прошептала я, чувствуя, как щёки заливают жгучая краска стыда. — От его пальцев. В воде. Кончила, как последняя шлюха. Прямо там, в озере, под его

руками.

Лерка замерла. Секунду смотрела на меня, переваривая. Потом выдохнула — странно, с каким-то облегчением.

— Ань, — сказала она тихо. — Ну это... физиология. Понимаешь? Он умелый, это по нему видно. Такие, как он, знают, что делать. Тело не спрашивает, кто его трогает — оно просто реагирует. Это не ты виновата.

— Я знаю, — рывкнула я, вырывая руки. — Знаю! Но от этого не легче! Он теперь знает, что может меня так... заставить. Что я откликаюсь. Он будет пользоваться!

Лерка промолчала. Потому что знала — я права. Я вскочила, заметалась по палатке. Тесно, низко, приходилось пригибаться, но я всё равно ходила туда-сюда, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони.

— Он знаешь, что сказал? — я заговорила быстро, зло, срывая голос. — Что я за Харлей буду телом расплачиваться! За мотоцикл, который я поцарапала!

Лерка замерла. Уставилась на меня.

— Поцарапала? — переспросила она медленно. — Аня...

ты чего? Ты поцарапала его мотоцикл?

Я замерла на месте. Секунду смотрела на неё. А потом выдохнула — уже не зло, а как-то обречённо.

— Да.

— Анька! — Лерка подскочила, вцепилась в мои плечи.
— Ты охренела? Зачем?

— А затем! — выкрикнула я, вырываясь. — Затем, что он меня в лесу лапал! Затем, что за шею хватал! Затем, что пощёчину я ему дала, а он всё равно не отстаёт! Я хотела, чтобы он знал — я не боюсь! Чтобы понял, что со мной так нельзя!

Лерка смотрела на меня круглыми глазами.

— И как? Понял?

— А ты не видишь? — я усмехнулась горько. — Он теперь хочет меня трахнуть. Не просто сломать — а трахнуть, унижить, заставить расплачиваться. Он же сказал — телом.

— Ань... — Лерка села обратно на спальник, обхватила голову руками. — Ты понимаешь, что ты наделала? Ты ему

повод дала. Он теперь будет прессовать тебя по-настоящему.

— Я знаю, — ответила я тихо. — Но знаешь что? Мне плевать. Пусть прессует. Я не сдамся.

— А если он...

— Если он ещё раз тронет — я его порежу, — перебила я. — Тем же ножом. Которым мотоцикл царапала.

Лерка подняла на меня глаза. В них плескался ужас.

— Ты серьёзно?

— Вполне, — кивнула я.

Я села рядом с ней, обхватила колени руками. В палатке было душно, пахло синтетикой и нашим потом. Где-то снаружи слышались голоса, смех, жизнь продолжалась. А у нас тут — война.

— Лер, — сказала я тихо. — Я не знаю, что делать. Он сильнее, у него деньги, связи, друзья. А у меня — только нож и злость.

— И я, — ответила Лерка. — У тебя есть я.

Я посмотрела на неё. Рыжая, растрёпанная, с испуганными глазами, но готовая лезть в драку ради меня.

— Спасибо, — выдохнула я.

— Не за что, — усмехнулась она. — Мы же подруги. А подруги друг друга в беде не бросают.

Я кивнула. Вытерла лицо.

— Ладно, — сказала я. — Давай собираться. Скоро уезжать. Я не могу здесь больше оставаться. Каждая минута здесь — как пытка.

— Давай, — Лерка встала, начала кидать вещи в рюкзак. — Только ты это... нож спрячь подальше. А то ещё порежешь кого ненароком.

— Спрячу, — усмехнулась я. — Но если он подойдёт — достану. Мы начали собирать вещи. Молча. Каждая думала о своём. Я сжимала в кулаке нож, который достала из сумки. Просто на всякий случай. Если он ещё раз подойдёт — я готова.

— Лер, ну ему что, шлюх мало? — я развела руками, чув-

ствуя, как злость снова закипает в груди. — На нём же девки виснут гроздьями! Любая раздвинет ноги за один его взгляд! Пусть идёт и трахает кого хочет, спермотоксикозник хренов! Чего он ко мне привязался?

Я заметалась по палатке снова, сжимая кулаки. Адреналин всё ещё гулял по крови, требуя выхода.

— Ну, тут наверно дело принципа, — Лерка пожала плечами, укладывая вещи в рюкзак. — Ты его задела. Сильно задела. Фак при всех, пощёчина, потом в лесу послала, а теперь ещё и мотоцикл поцарапала. Для таких, как он, это личное оскорбление.

— Охереть, — фыркнула я, останавливаясь. — Нежный цветочек, блин! Царь, бог, демон университета, а туда же — обидчивый, как пятиклассник, у которого портфель на перемене отобрали.

Лерка заржала. Звонко, заливисто, запрокинув голову. Рыжие волосы рассыпались по плечам, глаза заблестели от смеха.

— Портфель! — выдохнула она сквозь смех. — Анька, ты невыносима! Представляешь его рожу, если бы он услышал? Демон с портфелем!

— А что? — усмехнулась я, и сама невольно улыбнулась.
— Правильно. Царь, бог, а туда же — принципы у него, видите ли. Сам лапает кого хочет, а когда получает сдачу — сразу обижается и хочет крови.

— Ну, не крови, — хмыкнула Лерка, вытирая слёзы. — Тела хочет. Твоего тела.

— А хрен ему, — отрезала я. — Пусть облизывается.

Лерка снова прыснула, но быстро взяла себя в руки.

— Ань, слушай, — сказала она серьёзнее. — А может, ну его? В универе будем ходить другими маршрутами, не пересекаться. Он быстро переключится на другую.

— Не переключится, — я покачала головой. — Ты его не видела. Он смотрит на меня так... будто я уже его. Будто вещь, которую он просто пока не забрал с полки. Такие не переключаются. Такие дожимают до конца. Лерка вздохнула.

— Тогда будем воевать.

— Будем, — кивнула я. — Только ты... ты не лезь, ладно? Если он придёт — я сама разберусь.

— Ань...

— Лер, — перебила я. — Он сказал — если я дёрнусь, найдёт тебя. Я не хочу, чтобы ты пострадала из-за меня.

Лерка посмотрела на меня долгим взглядом. Потом подошла и обняла.

— Только попробуй сама разбираться, — буркнула она мне в плечо. — Мы вместе. Что бы ни случилось — вместе.

Я обняла её в ответ, чувствуя, как ком подкатывает к горлу. Хорошая у меня подруга. Настоящая.

— Ладно, — сказала я, отстраняясь. — Давай собираться. Уезжаем отсюда.

— Уезжаем, — кивнула Лерка. Мы молча запихнули остатки вещей в рюкзаки. Снаружи доносились голоса, смех, плеск воды — там, на озере, жизнь продолжалась. А здесь, в палатке, мы готовились к бегству. Я сжала в кулаке нож, сунула его в боковой карман рюкзака. На всякий случай.

— Пойдём позавтракаем, — Лерка потрянула рыжими волосами и кивнула в сторону костра. — Там на столах вче-

рашний шашлык остался и лимонад в бутылках. Костян говорил, утром кто хочет — берёт.

— Пошли, — кивнула я, прислушиваясь к урчанию в животе. — А то желудок уже марши играет, с голодухи скоро концерт устроит.

Мы вылезли из палатки, пригнувшись, и выпрямились уже на воздухе. Солнце пекло немилосердно — даже в девять утра было жарко, как в июле. Вещи мы уже собрали, оставили рюкзаки внутри, прикрыли клапан и двинулись в сторону костра. Народу на поляне было немного — основная масса всё ещё торчала на озере, слышались далёкие крики и плеск воды. Кто-то уже выползал из палаток, сонный и помятый, кто-то сидел у столов, лениво жуя вчерашний шашлык. Этих дикарей видно не было. И слава богу.

— Чёрт, — я хлопнула себя по карману шорт. — Лер, я телефон в палатке оставила. Хотела фотки сделать на память, пока тут красиво.

— Да ладно, — Лерка махнула рукой, доставая свой айфон из кармана. — Давай на мой, потом перекинешь. У меня камера огонь, самсунг последний.

Мы встали прямо у костра, на фоне догорающих углей и

сосен. Лерка вытянула руку с телефоном, я прижалась к ней плечом.

— Давай смешное лицо! — скомандовала она. Я скорчила рожу, высунула язык. Лерка заржала, щёлкнула. Потом ещё — мы меняли позы, строили глазки, делали серьёзные лица и снова ржали.

— Ой, смотри, какая я тут страшная! — Лерка ткнула пальцем в экран.

— Это ты ещё себя не видела, когда спишь, — хмыкнула я. — Ты там слюни пускаешь и храпишь, как трактор.

— Врунья! — возмутилась она и ткнула меня локтем в бок.

Мы засмеялись, и я поймала себя на мысли, что впервые за это утро чувствую себя почти нормально. Почти человеком. Захватив со стола шашлык — холодный, но всё ещё вкусный — и пару стаканчиков с лимонадом, мы уселись на бревно у догорающего костра. Солнце грело спину, лимонад приятно охлаждал горло, шашлык таял во рту. Лерка травила байки про свою бывшую, я рассказывала про универ. Настроение поднялось. Мы смеялись, болтали, пили лимонад и чувствовали себя почти счастливыми.

— Ладно, — я допила стакан и поднялась. — Пойдём к палаткам, заберём вещи и на выход. А то скоро жара совсем адская будет.

— Погнали, — кивнула Лерка. Мы дошли до нашей палатки. Я откинула полог, залезла внутрь — и замерла. Сумка моя была вытряхнута. Вещи валялись кучей — трусы, лифчики, майки, носки. Кто-то явно рылся, перебирал, кидал обратно как попало. Неаккуратно, нагло, с чувством собственности.

— Лер, — позвала я глухо. — Иди сюда.

Лерка заглянула внутрь, присвистнула.

— Ни хрена себе. Это кто ж тут похозяйничал?

— А кто? — я усмехнулась, но усмешка вышла злой. — Демон, собственной персоной. Больше некому.

Я присела на корточки, начала перебирать вещи. Вроде всё на месте — деньги, документы. Но ощущение было мерзкое, липкое. Чужие руки в моих вещах. Чужие пальцы в моих трусах.

— Мда, — протянула я, поднимая на Лерку глаза. — Похоже, демон в моих трусиках рылся.

Лерка заржала. Звонко, заливисто, во весь голос.

— На память захотел? — выдавила она сквозь смех. — Сувенир на память о прекрасной ночи?

— Ага, — усмехнулась я, складывая вещи обратно. — Нюхать и дрочить будет. Вспоминать, как я его послала.

— Фетишист хренов, — Лерка вытерла выступившие слёзы. — Ань, ну ты готова? Валим отсюда?

— Сейчас, — я быстро утрамбовала вещи обратно в сумку, застегнула молнию. — Готова. Пошли.

Мы вылезли из палатки и двинулись в сторону парковки. Я взяла у Лерки телефон, чтобы перекинуть фотки, и в этот момент — дзынь. Сообщение. От неизвестного номера. Я открыла — и сердце ухнуло в пятки.

«Готовься, сучка. Тебе не жить».

— Лер, — выдохнула я, протягивая ей телефон. — Смотри. Он мой номер узнал.

Лерка глянула, присвистнула.

— Видать, искал в твоей сумке телефон, пока рылся. Номер переписал.

— Уже дрожу, — усмехнулась я, но внутри всё сжалось.
— Мудак.

Новое сообщение: «Готовь дырочку».

— Охренеть, — Лерка округлила глаза. — Ань, смотри, что пишет. Совсем страх потерял. Я выхватила телефон, пальцы забегали по экрану. Злость плеснула через край, вытесняя страх.

«Это ты свою дырочку готовь. Палку в жопу вставлю, будешь ходить и радоваться». Нажала «отправить».

Лерка глянула на экран, прочитала и заржала. Громко, на всю парковку.

— Анька! — выдавила она сквозь смех. — Ты невыносима! Палку в жопу! Он там готовится тебя трахать, а ты ему...

— А что он хотел? — фыркнула я, убирая телефон. —

Нежности? Пусть идёт к своей Ларисе, она ему и палку, и всё что хочет — лишь бы душил.

Мы заржали обе. Истерично, нервно, но заржали.

— Пошли, — я кивнула на выход с парковки.

— Валим отсюда, пока этот придурок не объявился.

— Валим, — согласилась Лерка. Мы закинули рюкзаки в багажник такси и сели в машину. Я оглянулась на поляну, на лес, на озеро.

— Прощай, Демон, — прошептала я. — До встречи в универе.

Глава 11. Переписка в такси

Мы сидели в такси.

Машина уже вырулила с грунтовки на трассу, за окном потянулись леса, поля, редкие деревни. Лерка откинулась на сиденье, прикрыла глаза — сказала, что вырубится на часок. А я смотрела в телефон, чувствуя, как вибрация каждые несколько минут напоминает о себе. Сообщения от него.

— Ты сука, берега совсем попутала, — прочитала я вслух, криво усмехнувшись. — Оцени лексикон, а? Прямо поэт.

Лерка приоткрыла один глаз.

— Чего он там?

— Да угрожает, — отмахнулась я. — Спи давай. Я разберусь.

Пальцы забегали по экрану.

«А ты, смотрю, тупой, с первого ра

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.